

ХАРУКИ МУРАКАМИ

–Так вы что же – и с Богом встречались?
–Ну разумеется. Я каждый вечер говорю
с ним по телефону.

Охота на овец

Крыса

Харуки Мураками

Охота на овец

«ЭКСМО»

1989

Мураками Х.

Охота на овец / Х. Мураками — «Эксмо», 1989 — (Крыса)

О её смерти мне сообщил по телефону старый приятель... Так начинается Охота на Овец – пожалуй, самое странное путешествие по закоулкам современного мира и человеческого сознания, придуманное классиком современной литературы, японским писателем Харуки Мураками. Этот роман недаром стал абсолютным мировым бестселлером: Охота на Овец в наших душах не заканчивается никогда. Итак – позвоните в полицию, спросите адрес и номер телефона семьи, затем позвоните семье и узнайте дату и время похорон. А после, в назначенный день, садитесь в пригородную электричку от станции Васэда. И надейтесь, что охота будет удачной...

© Мураками Х., 1989

© Эксмо, 1989

Содержание

Часть первая	5
Пикник среди недели	5
Часть вторая	10
1. 16 шагов и правила их прохождения	10
2. Исчезновения (ее самой, ее фотографий и ночной сорочки)	14
Часть третья	17
1. Китовый пенис. Девчонка на трех работах	17
2. Разблокированные уши	26
3. Разблокированные уши. Продолжение	27
Часть четвертая	29
1. До появления человека со странностями	29
2. Появление человека со странностями	33
3. Сэнсэй	37
4. Считаю овец	40
5. Автомобиль и его водитель (1)	42
6. Вселенная глазами Червяка	44
Часть пятая	47
1. Первое письмо Крысы (штампель: 21 декабря 1977 года)	47
2. Второе письмо Крысы (штампель: ? мая 1978 г.)	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Харуки Мураками

Охота на овец

Часть первая

25.11.1970

Пикник среди недели

О ее смерти мне сообщил по телефону старый приятель, наткнувшийся на случайные строчки в газете. Единственный абзац скупой заметки он членораздельно зачитал прямо в трубку. Заурядная газетная хроника. Молоденький журналист, едва закончив университет, получил задание и опробовал перо.

Тогда-то и там-то такой-то, находясь за рулем грузовика, сбил такую-то. Вероятность нарушения служебных обязанностей, повлекшего смерть, выясняется...

Как рекламный стишок на задней обложке журнала.

– Где будут похороны? – спросил я.

– Да откуда я знаю? – удивился он. – У нее вообще была семья-то?

Разумеется, семья у нее была.

Я позвонил в полицию, спросил адрес и номер телефона семьи, затем позвонил семье и узнал дату и время похорон. В наше время, как кто-то сказал, если хорошо постараться, можно узнать что угодно.

Семья ее жила в «старом городе», Ситамати. Я развернул карту Токио, отыскал адрес и обвел ее дом тонким красным фломастером. То был действительно очень старый район на самом краю столицы. Ветвистая паутина линий метро, электричек, автобусов давно утратила какую-либо вразумительную четкость и, вплетенная в сети узких улочек и сточных каналов, напоминала морщины на корке дыни.

В назначенный день пригородной электричкой от станции Васэда я отправился на похороны. Не доезжая до конечной, вышел, развернул карту токийских пригородов и обнаружил, что с равным успехом мог бы держать в руках карту мира. Добраться до ее дома мне стоило нескольких пачек сигарет, которые пришлось покупать одну за другой, каждый раз выспрашивая дорогу.

Дом ее оказался стареньким деревянным строением за частоколом из бурых досок. Нагнувшись, я через низенькие ворота пробрался во двор. Тесный садик по левую руку, похоже, был разбит без особой цели, «на всякий случай»; глиняную жаровню, брошенную в дальнем углу, на добрую пядь затопило водой давно прошедших дождей. Земля в саду почернела и блестела от сырости.

Она убежала из дома в шестнадцать; видно, еще и поэтому похороны прошли очень скромно, словно украдкой, в тесном домашнем кругу. Семья состояла из одних стариков, и то ли родной, то ли сводный брат, мужчина еле за тридцать, заправлял церемонией.

Отец, низкорослый, лет пятидесяти с небольшим, в черном костюме с траурной лентой на груди стоял, подпирая дверной косяк, и не подавал ни малейших признаков жизни. Взглянув на него, я вдруг вспомнил, как выглядит дорожный асфальт после только что схлынувшего наводнения.

Уходя, я отвесил безмолвный поклон, и он так же молча поклонился в ответ.

* * *

Впервые я встретился с ней осенью 1969 года; мне было двадцать лет, ей – семнадцать. Неподалеку от университета была крохотная кофейня, где собиралась вся наша компания. Заведеньице так себе, но с гарантированным хард-роком – и на редкость паршивым кофе.

Она сидела всегда на одном и том же месте, уперев локти в стол, по уши в своих книгах. В очках, похожих на ортопедический прибор, с костлявыми запястьями – странное ощущение близости вызывала она во мне. Ее кофе был вечно остывшим, пепельницы неизменно полны окурков. Если что и менялось, то лишь названия книг. Сегодня это мог быть Мики Спиллейн, завтра – Кэндзабуро Оэ¹, послезавтра – Аллен Гинзберг... В общем, было бы читиво, а какое – неважно. Перетекавшая туда-сюда через кофейню студенческая братия то и дело оставляла ей что-нибудь почитать, и она трескала книги, точно жареную кукурузу, – от корки до корки, одну за другой. То были времена, когда люди запросто одалживали книги друг другу, и, думаю, ей ни разу не пришлось кого-то этим стеснить.

То были времена «Дорз», «Роллинг Стоунз», «Бёрдз», «Дип Пёрпл», «Муди Блюз». Воздух чуть не дрожал от странного напряжения: казалось, не хватало какого-нибудь пинка, чтобы все покатилося в пропасть.

Дни прожигались за дешевым виски, не особо удачным сексом, ничего не менявшими спорами и книжками напрокат. Бестолковые, нескладные шестидесятые со скрипом опускали свой занавес.

Я забыл ее имя.

Можно бы, конечно, раскопать ту газетную хронику с сообщением о ее смерти. Только как ее звали – мне сейчас совершенно не важно. Я не помню, как ее имя когда-то звучало. Вот и все.

Давным-давно жила-была Девчонка, Которая Спала С Кем Ни Попадя...

Вот как ее звали.

Конечно, если всерьез разобраться, спала она вовсе не с кем попало. Не сомневаюсь, для этого у нее были какие-то свои, никому не ведомые критерии.

И все же, как показывала действительность любому пристальному наблюдателю, спала она с подавляющим большинством.

Только однажды, из чистого любопытства, я спросил у нее об этих критериях.

– Ну-у, как тебе сказать... – ответила она и задумалась секунд на тридцать. – Конечно, не все равно, с кем. Бывает, тошнит при одной мысли... Но знаешь – мне просто, наверное, хочется успеть узнать как можно больше разных людей. Может, так оно и приходит ко мне – понимание мира...

– И чьих-то постелей?

– М-м...

Наступил мой черед задуматься.

– Ну и... Ну и как – стало тебе понятнее?

– Чуть-чуть, – сказала она.

¹ Кэндзабуро Оэ (р. 1935) – японский писатель, испытавший в своем творчестве влияние экзистенциализма, лауреат Нобелевской премии (1994).

С зимы 69-го до лета 70-го я почти не виделся с ней. Университет то и дело закрывали по разным причинам, да и меня самого порядком закрутило в водовороте личных неприятностей.

Когда же осенью 70-го я заглянул наконец в кофейню, то не обнаружил среди посетителей ни одного знакомого лица. Ни единого – кроме нее. Как и прежде, играл хард-рок, но неумовимое напряжение, наполнявшее воздух когда-то, испарилось бесследно. Только паршивый кофе, который мы снова пили, так и не изменился за год. Я сидел перед нею на стуле, и мы болтали о старых приятелях. Многие уже бросили университет, один покончил собой, еще один канул без вести... Так и поговорили.

– Ну а сам-то – как ты жил этот год? – спросила она.

– По-разному, – ответил я.

– Стал мудрее?

– Чуть-чуть.

В эту ночь я спал с нею впервые.

Я ничего толком не знаю о ней, кроме того, что когда-то услышал – то ли от кого-то из общих знакомых, то ли от нее самой в постели между делом. Еще старшеклассницей она вдрызг разругалась с отцом и сбежала из дому (и, понятно, из школы) – точно, была такая история. Но где жила и чем перебивалась – этого не знал никто.

Дни напролет она просиживала на стульчике в рок-кафе, поглощая кофе чашку за чашкой, выкуривая одну сигарету за другой и перелистывая страницу за страницей очередной книги в ожидании момента, когда наконец появится какой-нибудь собеседник, который заплатит за все эти кофе и сигареты (не ахти какие суммы для нас даже в те дни) и с которым она, скорее всего, и уляжется этой ночью в постель.

Вот и все, что я знал о ней.

Так и сложилось: с той самой осени и до прошлого лета раз в неделю, по вторникам, она приходила ко мне в квартирку на окраине Митака. Ела мою нехитрую стряпню, забивала окурками пепельницы и под хард-рок по «Радио FEN» на полную катушку занималась со мной любовью. Утром в среду, проснувшись, мы гуляли с ней в маленькой рощице, постепенно добредали до студенческого городка и обедали в местной столовой. Уже после обеда пили жиденький кофе на открытой площадке под тентами и, если погода была хорошей, валялись в траве на лужайке и разглядывали небеса.

«Пикник среди недели», – называла это она.

– Каждый раз, когда мы приходим сюда, я чувствую себя, будто на пикнике.

– На пикнике?

– Нуда. Куда ни глянь – трава. У людей вокруг счастливые лица...

Стоя в траве на коленях, она испортила несколько спичек, прежде чем наконец прикурила.

– Солнце подымается, потом садится; люди появляются и исчезают... Время течет, как воздух, – все как на настоящем пикнике, ведь правда?

Я доживал свой двадцать первый год, через две-три недели мне исполнялось двадцать два. Ни надежды в ближайшее время закончить университет, ни причины бросать его на полдороге. На распутье сомнений и разочарований уже несколько месяцев кряду я не решался сделать ни шага в жизни.

Мир вокруг продолжал вертеться – только я, казалось, совершенно не двигался с места. Что бы ни являлось моим глазам в ту осень 70-го – все окутывалось странной дымкой печали, все сразу и с катастрофической быстротой увядало, теряя цвет. Лучи солнца, запах травы, еле слышный шелест дождя – и те раздражали меня.

Неотвязно меня преследовал сон о ночном поезде. Всегда один и тот же. Поезд, полный табачного дыма и туалетной вони, набитый людьми так, что не продохнуть. В вагоне, где яблоку негде упасть, заблевающие простыни липнут к телу. Не в силах терпеть, я поднимаюсь с полки, протискиваюсь к дверям и схожу на случайной станции. Местность заброшена и пустынна – ни огонька. На станции не видать даже стрелочника. Ни часов, ни расписания – ничего... Такой вот сон.

В то время, мне кажется, я во многом подходил ей. Пусть нелепо и болезненно, но был нужен ей именно таким, каким был. В чем подходил, чем был нужен – сейчас уже не припомню. Может, я был нужен лишь себе самому – и не больше, но ее это ничуть не смущало. А может быть, она просто так развлекалась, – но чем именно? Как бы там ни было, вовсе не жажда ласки-нежности притягивала меня к ней. И сейчас еще, стоит вспомнить ее, возвращается ко мне то странное, неопишное ощущение. Одиночества и печали – словно от прикосновения чьей-то руки, вдруг протянутой сквозь невидимую в воздухе стену.

Тот странный вечер 25 ноября 1970 года я помню отчетливо и сегодня. Сбитые ливнем листья гинко в нашей роще выкрасили желтым узенькую тропинку, вышедшую из берегов, как река в паводок. Сунув руки в карманы курток, мы бродили по останкам тропы туда и обратно. В мире не было ничего, кроме шороха двух пар обуви по палым листьям да резких выкриков птиц.

– Слушай, что с тобой происходит? – спросила она внезапно.

– Так... Ничего особенного, – ответил я.

Пройдя немного вперед, она села на обочину и закурила. Я присел рядом.

– Тебе снятся плохие сны?

– Постоянно. Просто кошмары какие-то. Особенно – про автомат с сигаретами, который сдачу не отдает...

Рассмеявшись, она положила ладонь на мое колено. Потом убрала.

– Не хочешь говорить, да? Ни словечка?

– Как-то не говорится... Ни словечка.

Она бросила недокурную сигарету на землю, благовоспитанно притоптала кроссовкой:

– Самое болезненное никогда не высказать толком... Ты об этом?

– А, не знаю! – сказал я.

Глухо фыркнув крыльями, две птицы вспорхнули с земли, и ослепительно чистое небо всосало их в себя без остатка. Некоторое время мы молча следили за тем, как они исчезают. Затем, подобрав сухую ветку, она принялась вычерчивать на земле какой-то неясный узор.

– Когда я сплю с тобой... Мне бывает ужасно грустно.

– Это я виноват... Я знаю.

– Дело тут не в тебе... И даже не в том, что ты вечно думаешь о другой, когда обнимаешь меня. Это – пускай, как угодно. Я... – Оборвав внезапное откровение, она провела на своем узоре три долгие параллельные линии. – Н-не знаю.

– Понимаешь... Я вовсе не собираюсь от тебя отгораживаться, – сказал я после паузы. – Просто я и сам никак не могу уловить, что происходит. Так хотелось бы научиться понимать все вокруг – беспристрастно, как можно спокойнее. Чтобы и в облаках не витать, и на лишнее время не тратить... Но все это требует времени.

– Сколько времени?

Я покачал головой.

– Откуда я знаю? Может, год, а может, и десять.

Она отбросила прутик и, поднявшись с земли, стряхнула приставшие к куртке травинки.

– Послушай... А тебе не кажется, что десять лет – это очень похоже на вечность?

– Да, наверное, – ответил я.

Выбравшись из рощи, мы дошли до студенческого городка, уселись, как обычно, под тентами в летнем кафе и захрустели сосисками. Ровно в два часа пополудни на экране телевизора вдруг с ненормальной частотой замельтешили то лицо, то фигура Юкио Мисимы². С громкостью было что-то неладно, и мы не могли разобрать в чем дело, – да и, по большому счету, в те минуты нам все было до лампочки. Мы съели сосиски и выпили еще по кофе. Какой-то студентик, взгромоздившись на стул, долго вертел ручкой громкости, пытаясь наладить звук, но потом отчаялся, слез со стула и куда-то исчез.

– Я тебя хочу, – сказал я.

– О'кей, – улыбнулась она.

Мы сунули руки поглубже в карманы и побрели ко мне.

Проснувшись вдруг, я увидел, что она беззвучно плачет. Только худенькие плечи-крылышки чуть заметно вздрагивали под одеялом. Я разжег огонь в камине и взглянул на часы. Два часа ночи. Луна зияла в небе мертвенно-бледной дырой.

Я дождался, пока она выплачется, вскипятил воды, разболтал в двух чашках пакетики, и мы стали пить чай. Я раскурил сразу две сигареты и передал одну ей. Глубоко затянувшись, она тут же закашлялась; это повторилось трижды и привело ее в страшное возбуждение.

– Послушай, тебе никогда не хотелось меня убить?

– Тебя?..

– Да.

– Зачем ты спрашиваешь?

Не вынимая изо рта сигареты, она закрыла глаза и кончиками пальцев потерла веки.

– Так... Низачем.

– Ну и незачем! – сказал я.

– Правда?

– Правда. За каким чертом мне тебя убивать?

– Да, действительно... – кивнула она с усилием. – Просто я вдруг подумала... Может, было бы вовсе не плохо, если бы кто-то меня убил. Так вот – во сне...

– Кто угодно, только не я. Я не смог бы убить человека.

– В самом деле?

– Ну, насколько я себя знаю...

Рассмеявшись, она вдавила окурок в пепельницу, одним глотком допила оставшийся чай и закурила новую сигарету.

– Поживу до двадцати пяти, – сказала она. – А там и умру.

Умерла она в двадцать шесть в июле 78-го.

² Юкио Мисима (Хираока Кимитакэ, 1925–1970) – японский писатель, лидер одной из национально-шовинистических группировок. В 1970 г. совершил публичную церемонию харакири в знак протеста против «утраты Японией самурайского духа», вызвав мощную волну выступлений ультраправых по всей стране.

Часть вторая

Июль 1978 г

1. 16 шагов и правила их прохождения

«Чш-ш-ш!..» – шипит мне в спину компрессор лифта, и я медленно закрываю глаза. Собираю ошметки мыслей – и делаю: шестнадцать шагов по коридору прямо к двери квартиры. С закрытыми глазами. Ровно шестнадцать – ни больше, ни меньше. От виски голова шумит и болтается, как на вывернутых шурупах; никотиновой вонью сводит язык во рту.

И все же, как бы ни был пьян, я всегда способен вот на эти шестнадцать шагов: закрыв глаза – и прямо, как по натянутой проволоке. Механический навык, результат долгих лет тренировки. Когда бы ни пришел домой вдрабадан – каждый мускул спины непременно распрямляет фигуру, голова подымается, и легкие решительно вбирают в себя утренний воздух со слабым запахом цементного коридора. И вот тогда наконец я закрываю глаза и делаю свои шестнадцать шагов по прямой из клубов хмельного тумана.

С тех пор как я вооружился Правилем Шестнадцати Шагов, меня даже удостоили титула «Наш Самый Приличный Алкаш». Быть им вовсе не сложно. Главное – признаться себе: «Я пьян, это факт!» – и воспринимать этот факт как реальность. Никаких тебе «но», никаких там «однако», «все-таки» и «тем не менее». Просто: «Я ПЬЯН», – и все тут.

И покуда со мной это Правило, я всегда буду оставаться самым безоблачным пьяницей, алкашом без проблем. Ранним жаворонком выпархивать из гнезда поутру – и последним вагоном до отказа нагруженного поезда переваливать через мост и скрываться в ночном тоннеле...

Пять, Шесть, Семь...

Задержавшись на восьмом шаге, я открываю глаза и делаю глубокий вдох. Легкий звон в ушах. Так, качаясь под ветром, позвякивает ржавая колючая проволока на морском берегу. Как давно уже не был у моря... 22 июля, 6:30 утра. Идеальная пора, идеальное время суток, чтоб любоваться морем. Песчаные пляжи еще никто не успел загадить. Песок у кромки прибоя – весь в следах птичьих ног, будто ветер рассыпал по берегу иглы хвои с неведомых сосен...

Море?

Снова трогаюсь с места. Про море – забыть... Эта штука давно уже канула в прошлое.

Сделав шестнадцатый шаг, я останавливаюсь, открываю глаза – и прямо перед собой, как всегда, вижу круглую ручку двери. Вынимаю из ящика газеты за последние два дня и пару конвертов, зажимаю почту под мышкой. Выудив из лабиринтов кармана связку ключей, стискиваю ее в руке и какое-то время стою, прислонившись лбом к холодной железной двери квартиры. За ушами вдруг слабый, но отчетливо резкий щелчок. Все мое тело – как вата, насквозь пропитавшаяся алкоголем. Сравнительный порядок только где-то внутри головы.

Черт бы меня побрал...

Сдвинув дверь на несчастную треть, я с трудом протиснулся в щель и затворил за собой. Прихожая была мертва. Мертвее, чем от нее ожидалось.

Тут-то я и осознал их присутствие. Красных башмачков у меня под ногами. Моих старых знакомых. Приютившись между моими заляпанными грязью теннисными туфлями и дешевыми пляжными сандалиями, окутанные тишиной, будто слоем тончайшей пыли, они смотрели на меня каким-то рождественским подарком, который вдруг не по сезону свалился с неба.

Она сидела, распростершись грудью на кухонном столе. Лицо на сплетенных запястьях, профиль под каскадом густо-черных волос. Дорожка незагорелой кожи пробегала под воло-

сами от шеи к затылку. Под мышкой, из открытого рукава полотняного платица, какого я раньше на ней не видел, едва различимо проступала полоска лифчика.

Я стаскивал пиджак, стягивал черный галстук, расстегивал часы на руке. Она не шелохнулась ни разу. Глядя на ее спину, я вспомнил прошлое. Свое прошлое – до того, как встретил ее.

– Эй... – попытался позвать я. Собственный голос показался мне совершенно чужим. Словно откуда-то издалека его доставили по заказу для этого случая. Как и следовало ожидать, ответа не было.

Она казалась спящей. Или плачущей. Или мертвой.

Сев за стол напротив, я стиснул пальцами веки. Свежий солнечный луч разрезал крышку стола пополам: я – на свету, она – в полупризрачных сумерках. У сумерек не было цвета. На столе громоздился горшок с пересохшей геранью. За окном кто-то выплеснул воду на улицу: звонкий шлепок воды о дорогу – и запах сырого асфальта.

– Кофе выпьешь?..

Как и прежде – молчание.

Убедившись, что ответа не будет, я встал, насыпал в кофемолку зерен на пару порций, включил транзистор. Когда кофе был уже смолот, я вдруг вспомнил, что на самом деле хотел выпить чаю со льдом... Вспоминать все задним числом давно уже стало частью моей натуры.

Транзистор выплескивал песню за песней – по-утреннему беззубый, ненавязчивый попе. Слушая эти песни, я вдруг ощутил, что в этом мире, пожалуй, так ни черта и не изменилось за прошедшее десятилетие. Ни черта, кроме имен певцов и названий песен. Да кроме, пожалуй, еще того, что я прожил десяток лет.

Проверив чайник: вскипел, – я выключил газ и, выдержав тридцать секунд, чтобы унялись пузыри, начал лить кипяток на кофейную пыль. Ошпаренная, она вобрала в себя сколько могла – и, набухая неспешно, разнесла по комнате свой согревающий запах.

За окном вразнобой стрекотали цикады.

– Ты что, с самого вечера здесь?.. – спросил я, продолжая держать в руке чайник.

Разметавшиеся по столу и, казалось, замершие навеки, ее волосы вдруг еле заметно дрогнули в ответ.

– Меня дожидалась?..

Снова молчание.

От палящих лучей вперемешку с клубами пара в кухне сделалось душно. Я задвинул вентиляционное окошко над раковиной, щелкнул кнопкой кондиционера и поставил на стол чашки с кофе.

– Пей давай, – сказал я. Голос понемногу становился снова моим.

–

– Лучше тебе это выпить.

Прошло еще добрых полминуты, прежде чем она медленно, как-то механически подняла лицо от стола – и застыла опять, упершись бессмысленным взглядом в горшок с пересохшей геранью. Чуть намокшие от слез паутинки волос прочеркивали на щеке три-четыре беспорядочных штриха. Аура едва уловимой влаги расходилась от нее волнами по комнате.

– Не беспокойся, – сказала она, – реветь здесь никто не собирался.

Я вытянул из пачки салфетку; беззвучно высморкавшись, она нервно убрала с лица налипшие волосы.

– Я вообще-то собиралась уйти до того, как ты вернешься. Не хотела встречаться.

– Но потом, я вижу, раздумала?

– Вовсе нет. Просто... расхотелось куда-то еще идти. Но ты не волнуйся, я уже ухожу.

– Да ладно... Кофе хоть выпей.

Под сводку дорожно-транспортных происшествий я отхлебнул из чашки, затем взял ножницы и вскрыл два пришедших конверта. В одном – извещение из мебельного магазина: скидка цен на 20 % при покупке в такой-то срок. Во втором оказалось письмо, читать которое не хотелось, – от приятеля, вспоминать о котором желания тоже не было. Я смял конверты, бросил в корзину с мусором и принялся догрызать остатки галет. Она, не отнимая губ от чашки, стиснув ее в ладонях, точно пыталась согреться, пристально наблюдала за мной.

– Там салат в холодильнике...

– Салат? – Я поднял голову и уставился на нее.

– Помидоры с фасолью. Других не было. Огурцы твои испортились, я выкинула...

– М-м-м...

Я достал из холодильника большую салатницу из голубого окинавского стекла и вылил туда оставшиеся в бутылке пять миллиметров приправы. Не помидоры с фасолью, а одна озябшая тень. Вкус отсутствовал напрочь. Вкуса также не оказалось ни в галетах, ни в кофе. Видимо, из-за яркого утреннего света. Утренний свет вечно все разлагает на составные. Я извлек из кармана сигареты, смятые в кашу, и прикурил от спичек, происхождения которых не помнил. Сигарета хлопнула при затяжке, как высыхающий мыльный пузырь. Сиреневый дым растекся в утренних лучах абстрактными узорами.

– Я ездил на похороны. Потом все закончилось – поехал на Синдзюку, пил до утра в одиночку...

Откуда-то в комнату прокралась кошка, протяжно зевнула, игриво прыгнула к ней на колени. Она запустила руку в шерсть и несколько раз почесала кошку за ухом.

– Не объясняй ничего, – сказала она. – Это уже меня не касается.

– А я ничего и не объясняю. Так... болтаю о чем-нибудь.

Она чуть пожала плечами, и шлейка лифчика исчезла, утонув в вырезе рукава. На лице ее не было ничего, что я бы назвал выражением. И я вспомнил такое, что видел когда-то давно, – фотографию города, опустившегося на дно моря.

– Мы знали друг друга раньше. Хотя и не очень близко... Вы не были знакомы.

– Вот как?..

Кошка у нее на коленях потянулась, расправив лапы во всю длину, и с легким шипением выпустила воздух из легких.

Я молча смотрел на огонек сигареты.

– От чего смерть?

– Сбило машиной. Переломы в тринадцати местах.

– Женщина?..

– Угу.

Закончилась семичасовая сводка дорожно-транспортных происшествий, и по радио вновь забренчал незатейливый рок-н-ролл. Она поставила чашку на блюдце и посмотрела мне в глаза.

– Интересно... Я умру – ты так же напьешься?

– Пил я вовсе не из-за похорон. Ну разве что первую пару стаканов...

За окном разгорался новый день. Новый и жаркий день. В окошке над раковиной заискрился далекий пейзаж: сбившиеся в кучку небоскребы. Сегодня они сияли гораздо ярче обычного.

– Выпьешь прохладного?

Она покачала головой.

Я достал из холодильника банку колы и выпил залпом до дна.

– Девчонка, которая давала кому угодно... – сказал я. Словно соболезнование выразил: «При жизни усопшая вечно спала с кем попало...»

– А это зачем мне рассказывать? – спросила она.

Зачем? Я и сам не знал.

– Так и что из этого?.. Прямо-таки всем подряд?

– Ну да.

– Но тебе-то – дело другое, не так ли?

Ее голос вдруг странно звякнул жесткими нотками. Я поднял глаза от тарелки с салатом и сквозь ветки засохшей герани посмотрел ей в лицо.

– Почему ты так думаешь?

– Ну, не знаю, – очень тихо сказала она. – Ты совершенно другого склада.

– Другого склада?

– У тебя такая особенность... Как в песочных часах. Когда весь песок высыпается, обязательно кто-то их переворачивает – и все сначала...

– Что, действительно?..

Ее губы дрогнули в странной полуулыбке – и сделались вновь бесстрастными.

– Я пришла за вещами... Пальто зимнее, шапка и все остальное. Я там собрала все в ящик. Будут руки свободны – донеси до рассылки, ладно?

– Да я домой к тебе завезу...

Она тихо покачала головой:

– Не стоит. Я не хочу, чтобы ты приходил. Понятно?

И правда. Я совсем забылся и болтал уже то, чего в виду не имел.

– Адрес ты знаешь, так ведь?

– Да уж, знаю...

– Ну тогда у меня все. Извини, что так засиделась...

– Как с бумагами? Больше ничего не надо?

– Да, уже все закончилось.

– Даже смешно, как все просто, а? Я-то думал, будет столько возни...

– Всем так кажется, кто с этим еще не сталкивался. На самом деле оказывается очень просто... Когда все уже позади. – Она еще раз почесала кошку за ухом. – Разведись второй раз – и ты уже ветеран...

Кошка зажмурилась, потянулась и затихла, пристроив голову на ее руке. Я сложил чашки и салатницу в раковину, потом чеком из магазина, как веником, смел галетное крошево со стола. Яркое солнце больно кололо глаза.

– Я список оставила – там, на твоём столе... Где какие бумаги лежат. Дни, когда забирают мусор. Ну и все остальное. Если что непонятно, звони...

– Да, спасибо.

– Ты хотел детей?

– Нет, – сказал я. – Детей не хотел.

– А я колебалась все время. Но раз все вот так – то и слава богу, правда? Хотя, как ты думаешь – может, как раз с детьми все было бы иначе?

– Ну, куча народу разводится и при детях.

– Да, наверное... – сказала она, вертя в пальцах мою зажигалку. – А я и сейчас люблю тебя. Только дело совсем не в этом... Я прекрасно все вижу сама.

2. Исчезновения (ее самой, ее фотографий и ночной сорочки)

После ее ухода я выпил еще одну банку колы, потом принял горячий душ и побрился. Что бы ни брал я в руки: мыло, крем для бритья, – все кончалось, шампуня оставалось на доньшке.

Я вышел из душа, причесался, освежил кожу лосьоном и вычистил уши. Затем поплелся на кухню и разогрел оставшийся кофе. За столом напротив меня никого уже не было. Взгляд мой споткнулся о стул, на котором больше никто не сидел, и я вдруг ощутил себя малым ребенком: он остался один на улице странного, фантастического города, что я видел когда-то на картинке... Впрочем, что говорить – я давно уже не ребенок. Без единого проблеска мысли в мозгу я долго, глоток за глотком, отхлебывал кофе, пока не выпил весь, потом просидел без движения еще какое-то время и наконец закурил.

Удивительно: я провел без сна ровно сутки, но спать совсем не хотелось. Тело пронизывала усталость, и лишь голова, как дрессированное морское животное, еще оставалась на плаву и в попытках спасти утопающее сознание выписывала над несчастным круги по воде без всякого толку.

Глядя на пустой стул напротив, я вспомнил историю, вычитанную однажды у какого-то американца. Человек, от которого ушла жена, несколько месяцев кряду не притрагивался к ночной сорочке, оставленной ею на спинке стула в столовой... Подумав еще немного, я решил, что идея, в общем, не так и плоха. Вряд ли, конечно, это как-то поможет – но все лучше, чем глазеть на горшок с пересохшей геранью... Да и котика наверняка вела бы себя спокойнее, если бы в комнате остались какие-то вещи жены.

Зайдя в спальню, я принялся открывать один за другим ящики ее шкафа; все оказались пусты – хоть шаром покати. Старый изъеденный молью шарфик, пакетик с порошком от моли да три пустых вешалки – вот и все, что я там обнаружил. Она выгребла все подчистую. Все склянки-пузырьки с парфюмерией, беспорядочной россыпью загромождавшие узенький туалетный столик, все ее пудры-помады-тени, зубные щетки, фен, все эти ее лекарства неизвестного назначения, тампоны-салфетки и прочая гигиеническая дребедень, вся ее обувь – от тяжелых зимних ботинок до сандалет и домашних тапочек, коробки со шляпами; занимавшие целый ящик сумочки и ридикюли, портфели и портмоне, все с такой тщательностью рассортированное нижнее белье и чулки, ее письма – все, от чего мог исходить хоть слабый ее запах, растворилось бесследно. Мне почудилось даже, будто все свои отпечатки пальцев она забрала с собой. Книжный ящик и полка с пластинками опустели на треть: кое-что покупала она сама, кое-что дарил я. Из альбомов были вырваны все ее фотографии. Везде, где нас снимали вдвоем, ее часть снимка оказывалась аккуратно отрезанной, мои же половинки остались на прежних местах. Совершенно нетронутыми я нашел лишь те снимки, где я один, а также пейзажи и портреты животных. Три альбома с постранично отредактированным человеческим прошлым: я был оставлен в нем один как перст, на фоне гор, рек, оленей и кошек. Как если бы я с самого рождения был один, прожил в одиночку всю жизнь до сих пор – и теперь приговорен к одиночеству до скончания века... Я захлопнул альбом и выкурил две сигареты подряд.

С одной стороны, думал я, могла бы и оставить после себя хоть ночную сорочку. С другой стороны – все это, конечно же, ее личное дело, и не мне предъявлять претензии. Решение не оставлять ничего она приняла сама. Мне оставалось лишь принять это к сведению. Иначе говоря, ее замысел удался: мне действительно оставалось теперь лишь убедить себя, что ее просто не существовало с самого начала.

Ну а раз ее не было – откуда взяться сорочке?..

Я залил водой пепельницы, выключил транзистор и кондиционер, отогнал заскочившую еще раз в голову мысль о ночной сорочке и поплелся спать.

Уже месяц прошел с тех пор, как я получил развод и она, съехав, переселилась в другую квартиру. Месяц без всякого смысла. Месяц тягуче-безвкусный, как растаявшее желе. Никаких перемен не ощутил я за это время – да, собственно, ничего и не изменилось.

Я просыпался в семь, варил кофе, поджаривал в тостере хлеб, уходил на работу, ужинал в городе, пропускал пару-тройку бутылочек сакэ³, возвращался домой, час читал что-нибудь в постели, затем гасил свет и засыпал до следующего утра. По субботам и воскресеньям вместо работы с утра уходил шататься по ближайшим кинотеатрам и добивал бестолковое время до вечера, как только мог. А вечерами – как всегда: одинокий ужин, сакэ, час с книгой в постели и сон. Монотонно-безлико – так некоторые люди заштриховывают черной пастой день заднем в настенном календаре – прожил я этот месяц.

Она исчезала из моей жизни – и, я чувствовал, с этим уже ничего не поделаешь. Что случилось, то и случилось. Хорошо ли, плохо ли прожиты были эти наши четыре года вдвоем, уже совершенно не важно. Все выпотрошено – как в фотоальбомах.

Совершенно не важно и то, что она уже давно и регулярно спала с моим другом, и в один прекрасный день я даже застал их вдвоем, нагрянув к нему случайно. От таких вещей не застрахован никто, они часто случаются в жизни, и если уж ей довелось во все это вляпаться, я ни в коей мере не считал это чем-то особенным. В конечном итоге, это лишь ее проблема...

– В конечном итоге, это лишь твоя проблема, – сказал я.

В тот воскресный июньский полдень, когда она заявила, что хотела бы развестись, я стоял перед ней, крутя на пальце жестяное колечко от пивной банки.

– То есть, тебе все равно? – как-то очень отчетливо спросила она.

– Нет, мне не все равно, – ответил я. – Я всего лишь сказал, что это – твоя проблема.

– Если честно, мне не хочется с тобой расставаться, – произнесла она, выдержав паузу.

– Ну и не расставайся.

– Но если с тобой, то ведь ни черта не получится!

Она не прибавила к сказанному ни слова, но мне кажется, я понял, что она имела в виду. Через несколько месяцев мне стукнет тридцать. Ей, тоже вскорости – двадцать шесть. Впереди нас ждала куча проблем, а нажили мы до сих пор буквально какие-то крохи. Фактически – ноль. Сбережения были подчистую проедены за четыре года вдвоем.

Почти полностью виноват в этом был я. Мне, наверное, вообще не следовало жениться. По крайней мере, ей-то уж точно не следовало выходить за меня.

Еще в самом начале ей взбрело в голову считать себя натурой «общительной», меня же – типом замкнутым и нелюдимым. Так – сравнительно удачно – мы и стали играть эти роли. Но за то время, пока мы и вправду верили, что сможем так очень долго, вдруг что-то сломалось. Что-то очень неуловимое, но чего уже не исправить. Мы зашли в очень мирный, спокойный тупик и просто тянули время. Это был наш конец. Я действительно стал для нее конченным человеком. Пусть даже у нее осталось сколько-то любви ко мне – дело было уже не в этом. Мы слишком привыкли играть наши роли друг перед другом. Я уже ничего не мог ей дать. Она чувствовала это инстинктом, я понимал из опыта, но ни в том, ни в другом спасения больше не было.

И вот теперь вместе со всеми своими сорочками она исчезла из моей жизни навеки. Что-то забудет память. Что-то скроется с глаз. Что-то умрет. В этом не должно быть особой трагедии.

24 июля, 8:25 утра...

³ В традиционных японских кабачках сакэ принято подавать глиняными бутылочками емкостью около 180 мл. Крепость обычного сакэ – 15°, по силе воздействия сравнимо с креплеными винами.

Бросив взгляд на цифры электронных часов, я провалился в сон.

Часть третья

Сентябрь 1978 г

1. Китовый пенис. Девчонка на трех работах

Спать с женщиной: порой я смотрю на это как на нечто большое и серьезное; иногда же, напротив, не вижу ничего особенного. Бывает секс как терапия для восстановления сил, а бывает секс от нечего делать.

Секс может быть от начала и до конца терапией, как может быть с начала и до конца – от нечего делать. Секс, начавшийся как отменная терапия, вполне может завершиться банальным сексом от нечего делать, равно как и наоборот. Наша половая жизнь – как бы тут лучше выразиться? – в корне отличается от половой жизни китов.

Мы не киты – вот один из главных тезисов моей половой жизни.

В городе моего детства – тридцать минут на велосипеде от дома – был океанарий. Внутри, как в настоящем подводном мире, всегда царила прохлада, и безмолвие лишь изредка прерывалось доносившимся неизвестно откуда тихим плеском воды. В тусклых сумерках из-за углов коридора так и слышались приглушенные вздохи русалок.

В огромном бассейне кругами ходили стаи тунцов, винтом по водным тоннелям подымались осетры, хищно скалились на куски мяса пирании, скупно мерцали своими шарами-светильниками электрические угри.

Не было счета рыбам в океанарии. Разные названия, разная на вид чешуя, разные по форме жабры. У меня просто не укладывалось в голове, отчего и зачем у рыб на Земле столько видов.

Китов, разумеется, в океанарии быть не могло. Киты слишком большие, их невозможно держать внутри здания: пришлось бы развалить весь океанарий, чтобы соорудить водоем, в который смог бы втиснуться один-единственный кит.

Взамен самого кита был выставлен его пенис. Как полномочный представитель своего хозяина. Вот как случилось, что годы самых ярких детских фантазий я провел, созерцая китовый пенис и пытаясь представить кита целиком. Нагулявшись по извилистым коридорам океанария, приходил в выставочный зал с высоченным потолком, устраивался на диване прямо напротив китового пениса и сидел так часами.

Иногда он напоминал мне ссохшуюся кокосовую пальму, иногда – гигантский кукурузный початок. В одном можно было не сомневаться: если бы не табличка у основания – «ПОЛОВОЙ ОРГАН КИТА-САМЦА», – ни один посетитель в жизни бы не догадался, что перед ним за штукавина. Он гораздо больше смахивал на реликт, найденный в песках Средней Азии, чем на член выходца из глубин Ледовитого Океана. Не говоря уже о том, что он был совершенно не похож ни на мой собственный пенис, ни на чей-либо из всех виденных мною. Этот одинокий, вырезанный с корнем из тела пенис словно дрейфовал перед моими глазами в волнах какой-то необъяснимой тоски.

И когда я впервые переспал с девчонкой, в голове у меня вертелся один лишь китовый пенис. «Что за участь постигла его? Какой нелепой волной занесло его под стекло на витрину безлюдного океанария?» – мучился я. Предчувствие точно такой же глухой обреченности и своей судьбы сжимало мне сердце. Впрочем, мне было семнадцать лет – слишком рано, чтобы доводить себя до самоубийства. С тех пор я и приучил себя к спасительной мысли.

Мы не киты.

Валяясь в постели с новой подругой, я поигрывал с завитушками ее волос и думал о китовом пенисе.

В океанарии моего детства всегда царила поздняя осень. На стеклянных стенках бассейна, холодных как лед, – отражения меня в толстом свитере. Темно-свинцовое море заглядывало в иллюминатор выставочного зала; барашки бесчисленных волн обегали его по краю, точно белые кружева – воротничок девичьего платья...

– О чем думаешь? – спросила она.

– О прошлом, – ответил я.

В двадцать один год у нее было прекрасное стройное тело – и пара дьявольски безупречных ушей.

Днем она правила тексты в небольшом издательстве, работала «спецмоделью» в рекламе женских ушей, а вечером подрабатывала «по вызову» в маленьком ночном клубе – очень тихом, «только для самых своих». Какое из трех занятий она считала основным, мне было неизвестно. Как, впрочем, и ей самой.

И все же, если задаться вопросом, что больше соответствовало ее натуре, пожалуй, именно в работе «ушной моделью» она раскрывалась полнее всего. Так думал я, так казалось и ей самой. И это невзирая на то, что, в принципе, «ушная модель» – крайне ограниченная сфера деятельности, не говоря уже о низком профессиональном статусе и мизерной оплате всех моделей такой узкой специализации. Для большинства рекламных агентов, фотографов, гримеров она была просто «хозяйкой своих ушей». Все, чем обладала она помимо ушей: тело, душа, характер, – безжалостно вырезалось и выбрасывалось из жизни.

– Ну не совсем так, – говорила она. – Просто мои уши – это я. А я – это мои уши.

Ни на ночных вызовах, ни в издательстве своих ушей она никогда никому не показывала.

– Это потому, что я там не настоящая, – объясняла она.

Офис ее ночного «клуба знакомств» (официально – «Клуба талантов») располагался в кварталах Акасака, и заправляла им некая дама, белокурая англичанка, которую все называли «миссис Икс». Вот уже тридцать лет миссис Икс жила в Японии, бегло говорила по-японски и могла читать большинство основных иероглифов.

В каких-нибудь пятистах метрах от офиса миссис Икс открывала курсы разговорного английского, откуда и вербовала более или менее подходящие мордашки для работы в клубе. В свою очередь, случалось, что сразу несколько девчонок из клуба ходили на курсы английского. Разумеется, за льготную плату со скидкой чуть ли не вполтину.

Всех девчонок в клубе миссис Икс называла «dear». Мягкое и вкрадчивое, словно лучи закатного солнца весной, это ее «dear» раскатывалось, рассеивалось по разговору.

– Надевай, как положено, чулки с поясом, dear. Никаких колготок!

Или:

– Ты, кажется, пьешь чай со сливками, dear?

Ну и так далее.

Клиентура для заведения отбиралась и поддерживалась очень тщательно и состояла в основном из зажиточных бизнесменов от сорока до пятидесяти лет. На две трети это были иностранцы, и только на треть – японцы. Политиков, стариков, калек и нищих миссис Икс просто на дух не переносила.

Из дюжины отобранных «красоток по вызову» моя новая подруга была самой заурядной и неброской на вид. С ушами, спрятанными под копной волос, она не производила на людей никакого особого впечатления. Мне не совсем понятно, что заставило миссис Икс при отборе остановить на ней взгляд. Может, ей удалось разглядеть ту особую привлекательность, редко открывающуюся постороннему глазу. А может, она просто решила, что на десяток принцесс

можно иметь и одну такую «золушку». Как бы там ни было, расчеты миссис Икс оправдались, и даже у «золушки» вскоре появилось несколько постоянных, «солидных» клиентов. В заурядной одежде, с обычной косметикой на обычном лице и запахом самых дежурных духов являлась она по вызову в «Хилтон», «Окура» или «Принс»⁴ и, проводя с клиентами какие-нибудь две-три ночи в неделю, обеспечивала себе кусок хлеба на целый месяц.

Половину свободных ночей она бесплатно спала со мной. Где и что она делала в остальные, мне было неизвестно.

Куда как прозаичнее была ее жизнь «правщицы текстов» в издательстве. Трижды в неделю она появлялась на третьем этаже небольшого здания в Канда⁵, где с девяти до пяти вычитывала гранки набранного текста, разливала чай и бегала (вверх-вниз по лестнице – лифта в здании не было) в магазин за старательными резинками. Держалась независимо, особняком, и никому даже в голову не приходило совать нос во все ее «прочие жизни».

Точно хамелеону, ей удавалось меняться в зависимости от места и обстановки, то выстав-ляя свои чудеса на всеобщее обозрение, то скрывая их самым тщательным образом.

На нее (или на ее уши) я наткнулся совершенно случайно в начале августа, сразу после того, как развелся с женой. Я подрядился делать рекламные проспекты для одной компьютерной фирмы; там-то мне и довелось познакомиться с ее ушами самым непосредственным образом.

Директор рекламного отдела, положив на стол макет очередного проспекта и несколько черно-белых фотографий, сказал мне:

– Даю тебе неделю; подготовь-ка титульный лист в трех вариантах, с заголовками и вот с этими снимками.

На каждой из трех фотографий красовалось по гигантскому уху.

Уши?

– Почему уши? – спросил я тогда.

– А я почему знаю? Уши и уши! Во всяком случае, советую тебе всю эту неделю только о них и думать.

Вот так получилось, что целую неделю жизни я созерцал человеческие уши. Прицепив липкой лентой к стене над столом три огромных фотоснимка ушей, я курил, пил кофе, жевал бутерброды, стриг ногти – и разглядывал эти фотографии.

Худо ли бедно, через неделю заказ был выполнен, а снимки ушей так и остались висеть на стене. Отчасти из-за того, что мне было лень специально лезть и снимать их; отчасти потому, что разглядывать уши вошло у меня в привычку И все же главное, отчего я не снимал фотографии со стены и не прятал в глубине стола, было в другом. Эти уши просто околдовали меня. Это были уши фантастической формы, уши из мечты или сна. Можно сказать – уши на все сто процентов. Я впервые в жизни ощущал, какой притягательной силой могут обладать увеличенные изображения отдельных частей человеческого тела (не говоря уже о половых органах). Чуть не сама судьба со всеми ее завихрениями и водоворотами бурлила перед моими глазами.

Одни изгибы уверенно-дерзко рассекали весь общий фон поперек; другие спешили укрыться от постороннего взгляда в робких стайках себе подобных и напускали тени вокруг; третьи, подобно старинным фрескам, рассказывали бесчисленные долгие легенды. Мочки же ушей просто-напросто вылетали за все траектории и по насыщенности своей чуть припухшей, упругой плоти затмевали реальную жизнь.

Через несколько дней я решил позвонить фотографу, делавшему эти снимки, и вывести у него имя и номер телефона хозяйки ушей.

⁴ Токийские отели высшей категории.

⁵ Район издательств и букинистических магазинов, т. н. «Книжный мир» Токио.

– Что там опять? – спросил фотограф.

– Да понимаешь, интересно мне. Уж очень замечательные уши...

– А? Н-ну да, уши-то, – пожевал фотограф губами. – Сама-то девчонка – так, не на что глаз положить... Хочешь с кем помоложе – так я тут недавно одну в бикини снимал, могу познакомить...

– Большое спасибо, – сказал я и повесил трубку.

Я позвонил ей в два, потом в шесть, потом в десять часов – никто не брал трубку. Обычный день ее обычной занятой жизни.

Дозвониться до нее мне удалось лишь на следующее утро в десять. Наскоро представившись, я сказал, что хотел бы обсудить с ней кое-что из вчерашней работы, и не могли бы мы, скажем, где-нибудь вместе перекусить ближе к вечеру.

– Но, я слышала, работа закончена? – спросила она.

– Да, работа закончена.

Мой ответ, похоже, привел ее в легкое замешательство, но ничего больше спрашивать она не стала. Я назначил встречу на вечер в кофейне на Аояма.

Заказав по телефону столик в первоклассном французском ресторане – лучшем из всех, где мне доводилось бывать, – я надел новую рубашку, завязал, повозившись изрядно, галстук и облачился в костюм, который надевал до этого лишь пару раз.

Как и предупреждал фотограф, «глаз положить» там было и правда особенно не на что. Что одежда ее, что лицо – все выглядело заурядно унылым, и в целом она сильно смахивала на хористку из второразрядного женского колледжа. Но на все это мне, разумеется, было плевать. Досаду у меня вызывало одно: свои уши она тщательно скрывала под густыми, отвесно начесанными волосами.

– Значит, уши ты прячешь? – спросил я словно бы невзначай.

– Ага, – как бы между прочим ответила она.

В ресторан мы пришли чуть раньше назначенного и оказались первыми к ужину посетителями. В притушенном свете ламп официант плыл по залу, чиркая длинными спичками и зажигая одну за другой ярко-красные свечи. Метрдотель, селедочным взглядом ощупывая ряды ножей, вилок, тарелок, салфеток, скрупулезно проверял сервировку на столиках. Выложенные елочкой дубовые плитки паркета блестели, как зеркала, и каблучки официанта цокали по ним легко и приятно. Туфли у официанта были явно дороже моих. В вазах стояли свежие цветы, а на белой стене красовалась картина какого-то модерниста, с первого взгляда понятно – оригинал.

Пробежав глазами винный лист, я заказал белого вина поблагороднее; из легких же закусок попросил для обоих фазаний паштет, заливное из окуня и печенье морского черта в сметане. Она, усердно покопавшись в меню, заказала суп из морской черепахи и заливной язык; я выбрал суп из морских ежей, ростбиф с петрушкой в японском соусе и салат из помидоров. Половина моего месячного оклада, похоже, улетала в тартарары.

– Однако, достойное заведение, – сказала она. – И часто ты здесь бываешь?

– Иногда, только по работе. По мне, когда один, уж лучше выпить сакэ в обычном баре – ну и соответственно закусить. Чувствуешь себя гораздо свободнее: не надо забивать голову лишним.

– И что ты обычно ешь в баре?

– Да что угодно. Чаще всего – сэндвичи с омлетом.

– Сэндвичи с омлетом!.. – повторила она. – Значит, каждый день ты ужинаешь в баре сэндвичами с омлетом?

– Ну, не каждый день. Где-то раз в три дня готовлю и дома...

– Но два дня из трех ты все-таки ешь в баре сэндвичи с омлетом, так?

– Да, пожалуй...

– А почему именно сэндвичи с омлетом?

– В хороших барах всегда готовят хороший сэндвич с омлетом.

– Тьфу!.. – сказала она. – Ненормальный какой-то.

– Абсолютно нормальный, – сказал я.

Совершенно не представляя, как сменить тему, я замолчал и какое-то время сидел, уставившись на окурки в пепельнице посередине стола.

– Разговор – о работе? – намекнула она.

– Я уже говорил вчера – работа закончена полностью. Нет никаких проблем. И разговора никакого нет.

Из кармана сумочки она достала пачку тонких, длинных ментоловых сигарет и, вопрошая одними глазами: «Ну, и?..» – прикурила от ресторанных спичек.

Я совсем уже открыл было рот, но тут за моей спиной вновь послышалось решительное цоканье каблуков. С особенной улыбкой, словно показывая портрет единственного сына, метрдотель повернул бутылку этикеткой ко мне. Я кивнул ему – и он, вынув пробку с едва слышным, ласкающим ухо щелчком, разлил вино по глотку на бокал. Я ощутил на языке концентрированный вкус денег.

Метрдотель удалился, и два официанта, сменяя друг друга, выставили на стол три больших блюда и пару тарелок. Затем официанты исчезли, и мы снова остались вдвоем.

– Очень хотелось увидеть твои уши. Чего бы это ни стоило, – сказал я откровенно.

Не отвечая ни слова, она положила себе паштета с печенью и пригубила вино.

– Что, зря побеспокоил?

Она еле заметно улыбнулась:

– Хорошую французскую кухню очень трудно назвать беспокойством...

– А разговор об ушах – беспокойство?

– Тоже нет. Все ведь зависит от угла зрения, верно?

– Так давай говорить под твоим любимым углом.

Она поднесла ко рту вилку и слегка изогнулась, потянувшись навстречу руке.

– Говори, что думаешь. Вот и будет «под моим любимым углом».

Мы помолчали какое-то время, занятые едой и вином.

– Я сворачиваю за угол, – заговорил я. – И кто-то впереди меня тоже сворачивает за следующий угол. Мне не видно, кто это. Я успеваю разглядеть лишь краешек белой одежды, мелькнувший в последний момент. Этот белый лоскут мельтешит, почти ускользая из виду, – но никак нельзя отделаться от него совсем... Знакомо тебе такое?

– Вроде знакомо...

– Вот такое же ощущение у меня от твоих ушей.

Вновь погрузившись в молчание, мы продолжали ужин. Я подлил вина ей, потом себе.

– Ты же не о картинке в голове говоришь, а о самом ощущении, так ведь? – уточнила она.

– Конечно.

– А раньше ты никогда подобного не испытывал?

Немного подумав, я покачал головой:

– Нет.

– Получается, все из-за моих ушей?

– Я не уверен... Уверенность в чем-то – вообще очень скользкая штука... К тому же я еще ни разу не слышал, чтобы форма ушей вызывала у кого-то все время одни и те же чувства...

– Ну, один мой знакомый всегда начинает чихать при виде носа Фарры Фосетт-старшей. А согласись: в том же чихании очень много чисто психологического. Какая-то причина порожд-

дает однажды случайное следствие – и вот то и другое уже связано в нас, да так, что не разорвать...

– Я, конечно, не знаю, что там с носом у Фарры Фосетт-старшей... – начал я, отхлебнул вина и забыл, что хотел сказать.

– В твоём случае – что-то другое? – спросила она.

– М-м-да, немного другое, – ответил я. – Что-то совершенно неуловимое – и в то же время страшно конкретное, важное... – Я развел руки на метровую ширину – и резко сдвинул ладони до промежутка в какие-то пять сантиметров. – Не знаю, как лучше сказать...

– Феномен концентрации на неосознанных мотивах.

– Именно так, – сказал я. – Ого, да ты раз в десять умнее меня!

– Я ходила на курсы.

– На курсы?

– Да. Заочные курсы по психологии.

Мы разделили на двоих остатки паштета. Я опять забыл, что хотел сказать.

– Значит, ты пока еще не уловил, что за связь между моими ушами и твоим ощущением?

– Ну да, – сказал я. – Никак не пойму: то ли твои уши хотят мне что-то сказать напрямую, то ли что-то еще обращается ко мне через твои уши как через посредника...

Не отнимая рук от стола, она слегка повела плечами.

– А это твоё ощущение – приятное или неприятное?

– Ни то, ни другое. А может, и то, и другое вместе... Не знаю.

Стиснув в пальцах бокал с вином, она некоторое время очень внимательно изучала моё лицо.

– Мне кажется, тебе следовало бы научиться поточнее выражать свои чувства.

– Ага. Вот и с оборотами речи ни к черту, верно? – добавил я.

Она улыбнулась:

– Ну, не так все ужасно... Я же, в общем, поняла, что ты хотел сказать.

– И что мне, по-твоему, делать?

Она долго молчала. И, похоже, думала о чём-то совсем другом. Пять тарелок зияли на столе, точно стайка погибших планет.

– Знаешь, – заговорила она после долгой паузы, – я думаю, нам надо стать друзьями. Конечно, если ты хочешь...

– Разумеется, – сказал я.

– То есть очень-очень близкими друзьями, – уточнила она.

Я кивнул.

Так мы и стали очень-очень близкими друзьями. Через полчаса после того, как впервые встретились.

* * *

– Как очень близкий друг, хочу тебя кое о чём спросить, – сказал я.

– Давай, – сказала она.

– Прежде всего – почему ты не открываешь ушей? И второе: случалось ли раньше, чтобы они, твои уши, оказывали еще на кого-нибудь такое странное действие?

Она долго молчала, уткнувшись взглядом в свои руки на столе.

– Тут много всего перемешано, – очень тихо сказала наконец она.

– Перемешано?

– Нуда... Хотя, если коротко: я просто привыкла к той себе, которая не показывает ушей.

– Получается, что ты с открытыми ушами и ты с закрытыми ушами – два разных человека?

– Вот именно.

Официанты убрали пустые тарелки и подали суп.

– А ты можешь рассказать о той, которая с открытыми?

– Вряд ли получится, слишком давно это было... Правду сказать, с двенадцати лет я вообще их не открываю.

– Ну, работая моделью, ты все-таки их показываешь, верно?

– Да, – сказала она, – Но там не настоящие уши.

– Не настоящие уши?..

– Там – заблокированные уши.

Проглотив пару ложек супа, я поднял глаза от тарелки и посмотрел ей в лицо.

– Можешь объяснить чуть подробнее про «заблокированные уши»?

– «Заблокированные» – это мертвые уши. Я сама убиваю их. То есть я блокирую их – перекрываю им дорогу к сознанию, и... Не понимаешь?

Я понимал с трудом.

– Попробуй спросить, – сказала она.

– «Убить свои уши» – это что, перестать ими слышать?

– Да нет же. Слышать ты ими слышишь, все в порядке. Просто они мертвы. Да ты и сам это должен уметь.

Положив ложку на стол, она выпрямилась, немного приподняла плечи, резко отвела назад подбородок, застыла так, напрягшись, секунд на десять – и наконец, уронив плечи, расслабилась.

– Вот, теперь уши умерли!.. Сам попробуй.

Неторопливо и тщательно я трижды проделал эти ее операции. Ощущения, будто что-то умерло, не появлялось. Разве что, пожалуй, вино побежало чуть быстрее в крови, вот и все.

– Что-то никак мои уши не хотят умирать, – сказал я разочарованно.

Она покачала головой:

– Бесполезно... Видимо, когда нет нужды убивать – чувствуешь себя хорошо, даже не умея этого делать.

– А можно еще поспрашивать?

– Давай.

– Сейчас я попробую собрать вместе все, о чем ты рассказала... Значит, до двенадцати лет ты живешь с открытыми ушами. Потом в один прекрасный день ты их прячешь. После этого и до сих пор их больше не открываешь. И когда их уже просто нельзя не открыть – ты «блокируешь» их, отключая от связи с сознанием... Так, да?

Она радостно улыбнулась:

– Именно так!

– Что же случилось с твоими ушами в двенадцать?

– Не торопись. – Она протянула обе руки через стол и легонько коснулась моих пальцев. – Прошу тебя...

Я разлил остатки вина по бокалам и медленно осушил свой до дна.

– Сначала я хотела бы узнать про тебя побольше.

– Что, например?

– Да все! Где и как ты рос, сколько тебе лет, чем занимаешься – ну, в таком духе...

– Скучно рассказывать. Все так банально, ты просто заснешь, не дослушав.

– А я люблю банальные темы.

– В моем случае все банально настолько, что не понравится никому.

– Ладно, – засмеялась она. – Наговори хоть на десять минут!

– Родился я 24 декабря 1948 года, под самое Рождество... Мало хорошего, когда у тебя именины под Рождество. Сама посуди: подарки ко дню рождения – те же подарки к Рожде-

ству. Все пытаются на этом как-нибудь сэкономить... По звездам – Овен, группа крови первая; в таком сочетании – склонность быть муниципальным клерком или банковским служащим. Союз со Стрельцом, Весами и Водолеем неблагоприятен... Не жизнь – тоска, тебе не кажется?

– Звучит весьма забавно.

– Вырос в обычном городишке, окончил самую обычную школу. Особой болтливостью и в детстве не отличался, подростком же был просто занудой. Обычная первая подружка, обычная первая любовь. Дорос до восемнадцати – поступил в университет, переехал в Токио. Закончил университет, открыл на пару с приятелем маленькую переводческую контору – там сейчас и кормлюсь понемногу. Год три назад начал брать заказы в рекламном журнале – писать тексты объявлений; там пока все тоже благополучно. Четыре года назад познакомился с одной девчонкой, служащей фирмы, женился; два месяца назад развелся. Почему – в двух словах не расскажешь... Держу одну престарелую кошку. В день выкуриваю сорок сигарет. Бросить не получается, как ни пытаюсь. У меня три костюма, шесть галстуков и пятьсот давно вышедших из моды пластинок. Помню имена всех убийц из романов Эллери Куина. «В поисках утраченного времени» Пруста собрал полностью, но прочитал только половину. Летом пью пиво, зимой – виски.

– И, наконец, каждые два дня из трех ты ешь сэндвичи с омлетом в баре?

– Ага, – кивнул я.

– Очень интересная жизнь.

– До сих пор была одна сплошная скучища, да и дальше, видимо, будет так же. Хотя не сказал бы, что мне в такой жизни что-то не нравится. В том смысле, что все равно уже ничего не поделать...

Я взглянул на часы. Прошло десять минут и двадцать секунд.

– И все-таки в том, что ты сейчас рассказал – еще не весь ты, правда?

Я помолчал, разглядывая свои руки на скатерти.

– Конечно, не весь. Даже про самую скучную жизнь никогда не расскажешь все полностью, верно?

– А хочешь, я теперь расскажу о своем впечатлении от тебя?

– Хочу.

– Обычно, когда я встречаюсь с кем-то впервые, первые десять минут даю человеку выговориться. А потом уже стараюсь поймать его, выворачивая то, что он говорил, наизнанку... Считаешь, это неправильно?

– Отчего же? – Я покачал головой. – Пожалуй, ты действуешь верно.

Официант, появившись из воздуха, расставил тарелки. Другой, сменив первого, разложил по тарелкам еду. Наконец, пришел третий и полил все какими-то соусами. Точно три бейсболиста безупречно разыграли подачу: от удара – на вторую зону – до первой.

– Если же такой способ испытать на тебе, вот что получится, – произнесла она, вонзая нож в заливной язык. – Не жизнь твоя скучная. Ты просто хочешь, чтобы она выглядела скучной. Не так ли?

– Может, ты и права, не знаю. Может, и в самом деле – жизнь у меня вовсе не скучная, просто я хочу ее такой видеть. Да результат-то один и тот же... Что так, что эдак, – результат уже у меня в руках. Все хотят убежать от скуки, я хочу влезть в эту скуку поглубже. Будто двигаться в час пик против течения толпы... Так что я вовсе не жалею, что у меня скучная жизнь. Это жена пусть уходит, если ей не нравится...

– Поэтому вы с ней и расстались?

– Я же говорю – в двух словах не расскажешь. Хотя еще Ницше сказал: «Пред ликом скуки даже боги слагают знамена»... Так и вышло.

Мы снова принялись за еду. Она налила себе еще соуса, я доел оставшийся хлеб. Пока мы заканчивали главные блюда, каждый думал о своем. Тарелки забрали, мы съели по голу-

бичному шербету. Потом подали кофе, и я закурил. Дым вытекал из сигареты и, пометавшись в воздухе секунду-другую, исчезал в беззвучных и невидимых кондиционерах. Несколько новых посетителей рассаживались за столиками вокруг. Концерт Моцарта растекался по залу, просачиваясь из динамиков в потолок.

– Можно еще спросить про уши?

– Ты, наверное, хочешь узнать, есть ли у них какая-то чудодейственная сила, да?

Я кивнул.

– А вот это тебе лучше проверить самому. Даже если я стану рассказывать, моя история будет ограничена рамками моей личности и вряд ли тебе пригодится.

Я кивнул еще раз.

– Тебе я уши могу показать, – продолжала она, допив кофе. – Вот только не знаю, поможет ли тебе это... Может, наоборот, потом пожалеешь.

– Почему?

– Может, твоя скука не настолько сильна.

– В таком случае, ничего не попишешь.

Она протянула руки через стол и накрыла мои пальцы ладонями.

– Тогда – вот еще что... После этого какое-то время, месяца два или три – будь со мной рядом. Хорошо?

– Хорошо...

Она достала из сумочки черную ленту и зажала ее в губах. Затем обеими руками отвела назад волосы, задержала их и ловко перехватила лентой.

– Ну как?..

Изумленный, я смотрел на нее, затаив дыхание. Во рту пересохло, и голос никак не мог найти выхода из одеревеневшего тела. На мгновение мне почудилось, будто в ослепительно-белую штукатурку стен вокруг с силой вдруг ударили волны. Ресторанные звуки – обрывки голосов, звон посуды – внезапно собрались в одно смутное, полупрозрачное облако, сгустились – и вновь рассеялись по прежним местам. Послышался шелест волн, и забытым запахом предзакатного моря повеяло из забытого прошлого... Но и это было лишь ничтожной частичкой всего, что переполнило мою душу за какую-то сотую долю секунды.

– Колоссально, – еле выдавил я из себя. – Как будто другой человек!

– Так оно и есть, – сказала она.

2. Разблокированные уши

– Так оно и есть, – сказала она.

Она была сверхъестественно красива. То была особая красота, какой мне никогда прежде не удавалось ни встретить, ни даже вообразить. Гигантский Космос, таясь, набухал в ней, готовый взорваться своей безграничностью, – и в то же время он был жестким и сжатым до размеров ничтожного кристаллика льда. Вселенная вокруг нас раздувалась в надменном величии – и тут же корчилась в робкой покорности и бессилии. Это превосходило все известные мне понятия и представления. Она и ее уши слились наконец воедино и покатались новорожденным чудом по склону пространства-времени.

– Да от тебя просто с ума сойти можно!

– Я знаю, – сказала она. – Это и есть – состояние разблокированных ушей.

Сразу несколько посетителей, повернув головы, заскользили по нашему столику нарочито рассеянными взглядами. Официант, подплывший с добавкой кофе, не смог налить его как положено.

Все смолкло – не было слышно ни звука. Только магнитофон неторопливо шуршал бобинной, проматывая вхолостую.

Она достала из сумочки ментоловые сигареты, вытянула из пачки одну и зажала в губах. Спohватившись, я торопливо поднес горящую зажигалку.

– Хочу с тобой переспать, – сказала она.

И мы переспали.

3. Разблокированные уши. Продолжение

Впрочем, ее настоящий звездный час еще не пробил. Два-три дня после этого она держала уши открытыми, затем вновь упрятала свои шедевры скульптуры за глухую стену волос и опять обернулась в простужку. Так в раннем марте прямо на улице снимают пальто «на пробу»: не тепло ли уже? – и поспешно надевают снова.

– Понимаешь, открывать уши еще не сезон, – объяснила она. – Мне пока трудно справиться с собственной силой...

– Да мне, в общем, все равно, – не стал спорить я. Поскольку даже со спрятанными ушами она была совсем, совсем недурна.

Иногда она все-таки показывала свои уши, и почти всегда это было связано с сексом. Стоило ей их открыть, секс с нею сразу приобретал какие-то загадочные свойства. Если в это время шел дождь – все вокруг пахло настоящим дождем. Если щебетали птицы, то щебет раздавался чуть ли не прямо в постели. Трудно объяснить как-то понятнее – в общем, так все и было.

– А в постели с другими ты свои уши никогда не показываешь? – спросил я ее однажды.

– Конечно, нет, – ответила она. – По-моему, никто даже не подозревает, что они у меня есть...

– Ну, и какой же он – секс со спрятанными ушами?

– Очень... по обязанности. Я вся как будто в газету завернута, ничего не чувствую... Ну и пусть. Обязанности выполняются – и слава богу.

– Но с открытыми-то ушами – в сто раз лучше?

– Конечно.

– Ну и открывай тогда, – удивился я. – Зачем специально думать о чем-то плохом?

Она посмотрела на меня в упор, потом глубоко вздохнула.

– Похоже, ты действительно не понимаешь...

Пожалуй, я и в самом деле слишком многого не понимал.

Прежде всего, я не мог уяснить, почему она относилась ко мне по-особенному. Как ни старался, я не мог найти в себе ни замечательных черт, ни просто странностей, которые хоть как-то отличали бы меня от остальных.

Когда я сказал ей об этом, она рассмеялась.

– Очень просто, – сказала она. – Все потому, что ты меня сам захотел. Это – основная причина.

– А если бы тебя захотел кто-то другой?

– Ну, по крайней мере сейчас меня хочешь именно ты. И уже от этого становишься гораздо интереснее, чем сам о себе думаешь.

– А почему я сам о себе так думаю? – осторожно спросил я.

– Да потому, что ты живой только наполовину, – ответила она неожиданно резко. – А другая твоя половина так и остается нетронутой...

– Хм... – только и выдавил я.

– В этом смысле мы в чем-то похожи. Я блокирую свои уши, ты – живешь вполнину себя. Тебе не кажется?

– Даже если ты и права, все равно – другая моя половина не так... ослепительна, как твои уши.

– Наверное, – улыбнулась она. – Я смотрю, ты и в самом деле ничегошеньки не понимаешь...

Утопая в улыбке, она подобрала волосы наверх и одну за другой расстегнула застёжки на блузке.

Лето ушло. В выходной день, на закате уже сентябрьского солнца я валялся в постели, поигрывал пальцем с ее волосами и размышлял о китовом пенисе. Угрюмо-свинцовое море бушевало снаружи, свирепая буря ломилась в оконные стекла. Высокие потолки выставочного зала, вокруг – ни души... Китовый пенис, навеки отрезанный от кита, потерял всякий смысл китового пениса.

Постепенно мои мысли вернулись к ночной сорочке жены. Как ни старался, я не мог вспомнить, была ли у нее вообще хоть одна ночная сорочка. В уголке мозга маячил образ – призрак ночной сорочки, свисающей со стула на кухне. Вспомнить, что это значило, у меня тоже не получалось. Было лишь странное чувство, будто уже очень долгое время я живу жизнью, принадлежащей кому-то другому.

– Слушай, а ты не носишь ночных сорочек? – спросил я у подруги, сам не зная почему.

Она приподняла голову с моего плеча и рассеянно посмотрела на меня.

– А у меня и нет ни одной...

– А, – сказал я.

– Но если ты думаешь, что так будет лучше...

– Нет-нет, – перебил я ее торопливо. – Я не к тому спросил.

– Нет, погоди, ты только не вздумай смущаться. Я на работе ко всему привыкла, стесняться не буду...

– Ничего не надо, – сказал я. – Мне совершенно достаточно тебя и твоих ушей.

Разочарованно покачав головой, она снова уткнулась мне в плечо. Но чуть погодя опять подняла лицо:

– Минут через десять тебе позвонят.

– Позвонят?.. – Я споткнулся взглядом о черный телефон у кровати.

– Да. Раздастся звонок телефона.

– И ты это знаешь?

– Знаю.

Пристроившись головой на моей груди, она закурила ментоловую сигарету. Чуть погодя мне прямо в пупок упал пепел; она вытянула губы трубочкой и принялась старательно его выдувать. Я поймал ее ухо и зажал между пальцев. Ощущение просто фантастическое. Мысли пропали, и лишь смутные видения да бесформенные силуэты вспыхивали и исчезали, сменяя друг друга в моей голове.

– Разговор пойдет об овцах, – сказала она. – О многих – и об одной.

– Об овцах?..

– Ага. – Она передала мне до половины выкуренную сигарету. Затянувшись, я вдавил окурок в пепельницу. – Ну а потом начнется охота.

Через несколько минут у моей подушки зазвонил телефон. Я взглянул на нее: она мирно дремала у меня на груди. Дав аппарату потрезвонить, я снял трубку.

– Ты можешь приехать, прямо сейчас? – выпалил невидимый собеседник. Голос в трубке вибрировал, точно его хозяина поджаривали на сковороде. – Важный разговор!

– Насколько важный?

– Приезжай – поймешь!

– Уж не про овец ли, случайно? – ляпнул я наугад. Не следовало этого делать. Я вдруг почувствовал, что сжимаю в руке кусок льда.

– Откуда ты это знаешь? – спросила трубка.

Но, как бы там ни было, охота на овец началась.

Часть четвертая

Охота на овец – 1

1. До появления человека со странностями

Существует много различных причин, отчего человек начинает регулярно и в больших дозах употреблять алкоголь. Причины могут быть разные, а результат, как правило, один.

В 1973 году мой партнер по работе был жизнерадостным выпивохой. В 1976-м он превратился в выпивоху с едва заметными сложностями в общении, а к лету 1979-го пальцы его уже сами тянулись к ручке двери, ведущей в алкоголизм. Как и многие пьющие регулярно, в трезвом виде это был человек обаятельный, если не сказать – утонченный, и достойный во всех отношениях. Он и сам о себе так думал. Оттого и пил. Ибо был убежден, что, выпив, сможет еще удачнее соответствовать представлению о себе как о достойнейшем и обаятельнейшем человеке.

Конечно, поначалу у него получалось неплохо. Однако время шло, дозы все увеличивались, и спустя какое-то время едва уловимая погрешность программы – трещинка, возникшая неведомо когда, – разрослась и зазияла бездонной пропастью в общей схеме его жизни. Его достоинства и обаяние понесло вперед на таких скоростях, что он уже сам за ними не поспевал. Случай обычный. Но большинство людей ни за что не хочет считать «обычным случаем» собственную персону. А натуры утонченные – и подавно. В надежде снова найти в себе то, что уже потерял, он решил забрести еще глубже в алкогольный туман. С тех пор дела его шли только хуже.

Впрочем, днем, до захода солнца, он еще держался достойно. Уже несколько лет подряд я сознательно старался не встречаться с ним по вечерам, и поэтому, по крайней мере – для меня, он еще оставался достойным человеком. Хотя я знал, что все его достоинства исчезают с наступлением темноты, как знал о том и он сам. В разговорах с ним мы ни разу не затрагивали этой темы, но оба знали, что каждый в курсе происходящего. Отношения наши по-прежнему оставались прекрасными. Но друзьями, как раньше, мы быть перестали.

Не могу сказать, что мы понимали друг друга на все сто процентов (дай бог, процентов хоть на семьдесят), но это был мой лучший приятель студенческих лет. И мне было особенно горько наблюдать, как такой человек опускается все ниже, теряя достоинство прямо у меня на глазах. Хотя – может, с такой вот горечью к нам и приходит зрелость...

К моменту, когда я появился в конторе, он уже принял свою порцию виски. После одной порции, если ею ограничивался, он был еще в норме. Но в этом деле есть свой неизменный закон. Стоит начать с «одной», как вскоре незаметно для себя переходишь и на «пару-тройку». Едва такое случится с ним, мне придется порвать с этой фирмой и искать другую работу.

Стоя перед решеткой кондиционера, я просушивал взмокшее тело и отхлебывал приготовленный секретаршей холодный ячменный чай. Он молчал, я тоже не произносил ни звука. Пятна яркого полуденного света лежали фантастическими кляксами на линолеуме. За окном внизу весь в зелени раскинулся парк, крохотными точками на траве виднелись ленивые тела загорающих. Мой напарник сидел напротив меня и концом шариковой ручки ритмично тыкал в левую ладонь.

– Ты что, развелся? – заговорил он наконец.

– Да уже три месяца, – ответил я, не отводя глаз от пейзажа в окне. Без темных очков болели глаза.

– Почему развелся?

– По личным причинам.

– Ну это понятно, – произнес он терпеливо. – Ни разу не слышал о разводе не по личным причинам.

Я молчал. Вот уже много лет между нами было что-то вроде негласной договоренности: не касаться проблем личной жизни друг друга.

– Я не собираюсь ничего выпытывать, – пояснил он, как бы извиняясь, – но все-таки мы с ней тоже были друзьями, и это меня несколько... шокировало. Я ведь думал – вы хорошо ладили...

– А мы всегда хорошо ладили. И разошлись без скандала.

Озадаченный, мой напарник замолчал, только шариковая ручка все щелкала, тычась в его распахнутую ладонь. На нем была темно-голубая рубашка с черным галстуком, волосы сохраняли аккуратные следы расчески. Одеколон и лосьон, судя по запаху, – из одного набора. На мне же – майка, где Снупи обнимался с доской для серфинга, старенькие, добела застиранные «ливайсы» и замызганные теннисные туфли. На любой посторонний взгляд, он смотрелся куда приличнее.

– Помнишь то время, когда мы работали вместе с ней, втроем?

– Прекрасно помню, – ответил я.

– Хорошее было время, – сказал мой напарник.

Я прошел от кондиционера в центр комнаты, плюхнулся на шведский диван небесно-голубого цвета, заколыхавшийся подо мной, как желе, вытянул из настольной сигаретницы для посетителей штуку «Пэлл-Мэлла» с фильтром и прикурил от массивной зажигалки.

– Ну и что?

– Пожалуй, мы тогда схватились за слишком много дел сразу...

– Это ты про рекламу для журналов?

Мой напарник кивнул. Я вдруг ощутил к нему что-то вроде сочувствия: он, видно, порядком помучился перед тем, как начать такой разговор. Я взял со стола увесистую зажигалку, повернул винт и укоротил длину пламени.

– Я понимаю, тебе неохота про все это говорить, – сказал я и положил зажигалку обратно на стол. – Но ты вспомни сам. С самого начала – не я принес эту работу, и не я предлагал ею заняться. Это ты ее нашел, и предложил ее всем тоже ты. Разве не так?

– Тогда была вынужденная ситуация, я не мог отказаться. И к тому же у нас была куча свободного времени...

– Опять же и деньги получились хорошие...

– Да, мы тогда прилично заработали. И в контору попросторнее перебрались, и людей смогли побольше нанять. Я вот машину себе заменил, квартиру купил новую, обоим детей в частный колледж отдал – тоже прилично стоило... Все-таки к тридцати уже лучше что-нибудь иметь за душой.

– Ну ладно. Заработал – и заработал. Чего тут оправдываться?

– Да вовсе я не оправдываюсь! – ответил мой напарник. Сказав так, он подобрал брошенную на стол авторучку и несколько раз легонько потыкал ею в ладонь. – Только знаешь... Сейчас, как вспомню те времена – как-то даже не верится, что все действительно было. Все эти наши долги на двоих, переводы чего ни попадя, объявления на стенах метро...

– Ну если ты чувствуешь, что давно не расклеивал объявлений, я и сейчас могу составить тебе компанию...

Он поднял голову и посмотрел на меня.

– Эй, я же не шутки шучу...

– Я тоже, – ответил я.

Мы помолчали.

– Столько всего изменилось с тех пор, – произнес наконец мой напарник. – Скорость жизни, мысли людей... Вот, например, сейчас мы даже не знаем, сколько зарабатываем на самом деле. Приходит налоговый эксперт, сочиняет бумажки какие-то непонятные: «там вычитаем, тут погашаем, здесь у нас налог чрезвычайный» – и так без конца...

– Но это везде так.

– Да я понимаю. И даже понимаю, что без этого – никуда. Но раньше было все-таки... веселее.

– «Дольше живу – и все выше тени невидимых стен у моей тюрьмы...» – пробормотал я себе под нос.

– Это что такое?

– Так, ерунда, – сказал я. – Ну-ну, и что же?

– А то, что сейчас у нас – сплошное выколачивание денег. Мы просто эксплуататоры, кровососы – и ничего больше.

– Эксплуататоры? – Удивившись, я посмотрел на него. Между нами было расстояние в пару метров; он сидел на стуле, и голова его находилась выше моей сантиметров на двадцать. За нею висела картина. То была какая-то новая, не виданная мною ранее черно-белая литография, изображавшая рыбу с крыльями. Судя по морде, рыбе не особенно было радостно от наличия крыльев у себя на спине. Видимо, она плохо понимала, как ими пользоваться. – Кровососы?.. – переспросил я, на этот раз самого себя.

– Они самые.

– Ну и чью же кровь мы сосем?

– Да всех вокруг понемногу.

Кисти его рук находились как раз на уровне моего взгляда. Задрав ноги и скрестив их на спинке небесно-голубого дивана, я неотрывно следил за танцем ручки у него на ладони.

– Как бы там ни было, разве ты не видишь, что мы изменились?

– Все по-старому. Никто не менялся, и ничто не менялось...

– Ты что, в самом деле так думаешь?

– Да, я так думаю. Никакой эксплуатации не существует. Это все детские сказки. Ты же, я надеюсь, не веришь, что дудками Армии Спасения можно и впрямь спасти белый свет? Не придумывай то, чего нет...

– Ну ладно – может, я напридумывал лишнего... – вроде как согласился он. – На прошлой неделе ты – вернее, мы оба – сочиняли текст рекламы про маргарин. Надо сказать, отменная получилась реклама. Отзывы были самые положительные. Но ты мне скажи: сколько раз за последние годы ты лично ел маргарин?

– Ни разу. Терпеть не могу маргарин.

– Вот и я ни разу. В этом-то все и дело. Раньше мы, по крайней мере, работали от чистого сердца, верили в то, что делали, за это и уважали себя. А сейчас? Засоряем мир всяким дерьмом – словами без сути и смысла...

– Маргарин, между прочим, – полезный для здоровья продукт. И жиры в нем – исключительно растительные, и холестерина до крайности мало. Старческие болезни от него не развиваются, а в последнее время, говорят, даже вкус стал совсем неплохой... И стоит дешево. И хранится долго...

– Вот и жри его сам.

Я откинулся вглубь дивана и медленно потянулся всем телом.

– Да не все ли равно? – воскликнул мой напарник. – Едим мы с тобой этот маргарин или нет – в конечном счете, разницы-то никакой! Переводить дежурную белиберду или сочинять рекламную фальшивку про маргарин – по сути, одно и то же занятие. Да, мы засоряем мир бессмысленными словами. Ну а где ты их видел – слова, имевшие бы смысл?.. Брось ты,

ей-богу: не бывает ее, работы от чистого сердца. Нигде ты ее не найдешь. Это все равно что пытаться дышать от чистого сердца или мочиться от чистого сердца в сортире.

– Возможно, – сказал я и затушил в тяжелой пепельнице сигарету. – «В одном невинном городишке один мясник невинный жил. Он на невинные котлетки невинных телочек рубил...» Конечно, если ты думаешь, что надираться виски с утра пораньше – занятие вполне невинное, то можешь продолжать сколько влезет.

Тишина затопила комнату. В долгой паузе раздавалось лишь мерное клацанье авторучки о деревянный стол.

– Извини, – не выдержал я. – Я не хотел с тобой так разговаривать.

– Да все в порядке, – сказал мой напарник. – Может, здесь ты как раз и прав...

Звонко щелкнув, отключился перегревшийся кондиционер. Стоял тихий полдень. Такой тихий, что делалось жутко.

– Возьми себя в руки, – сказал я. – Ты посмотри, сколько всего мы уже добились – только своими силами. Никому не должны – и нам никто не должен... И уж, по крайней мере, в нашем деле больше здравого смысла, чем у этого сброда карьеристов, чья задница всегда прикрыта, а жизнь – от должности до должности, и которые ничего не умеют, кроме как разваливаться в креслах с самодовольными мордами...

– Мы же были друзьями, так ведь?..

– Мы и сейчас друзья, – сказал я. – Всю дорогу вместе прошли, друг за друга цепляясь.

– Мне так не хотелось, чтобы вы развелись.

– Знаю... – ответил я. – Но, может, все-таки объяснишь мне насчет овец?

Он кивнул, отправил ручку обратно в карандашницу, потер пальцами веки – и начал:

– Человек этот появился сегодня в 11 утра...

2. Появление человека со странностями

Человек этот появился в 11 утра. В таких маленьких фирмах, как наша, время суток под названием «одиннадцать утра» бывает двух разновидностей. Либо это капитальная запарка, либо капитальное безделье; чего-то среднего не дано. Или мы бестолково суедемся и бегаем, в делах по самые уши, – или так же бестолково клюем носами и досматриваем утренние сны. Что же касается «дел средней важности», если такая штука вообще бывает, то их всегда очень удобно выполнить «как-нибудь после обеда».

Человек этот появился утром именно второй разновидности. Утру, случившемуся в тот день, можно смело ставить памятник Классического Безделья. Всю первую половину сентября мы вкалывали как ненормальные; но лишь только заказ был выполнен, жизнь в конторе осталась. Трое, включая меня, взяли неиспользованные летние отпуска с опозданием на месяц; всем же остальным работы только и оставалось, что с утра до вечера точить карандаши. Мой напарник выскочил снять денег в банке; другой сотрудник убивал время, слушая свежие пластинки в демонстрационном зале музыкального магазина напротив; и только девочка-секретарша, оставшись одна в опустевшей конторе, изредка отвечала на телефонные звонки да листала «Прически осеннего стиля».

Дверь в контору он отворил без единого звука – и так же беззвучно затворил ее за собой. При этом его бесшумные движения вовсе не выглядели нарочитыми. Напротив, все в нем казалось обычным и очень естественным. Настолько обычным и настолько естественным, что секретарша не сразу осознала сам факт его появления в конторе. Когда она поняла это, он уже стоял прямо перед ее столом и взирал на нее сверху вниз.

– Если это возможно, мне хотелось бы поговорить с кем-нибудь из начальства, – произнес человек. Сказано это было тоном, с каким смахивают перчаткой невидимую пыль со стола.

Девочка никак не могла сообразить, что, вообще говоря, происходит. Подняв голову, она уставилась на незнакомца. У того был слишком пронизывающий взгляд, чтобы оказаться заурядным клиентом. Для налогового эксперта он был слишком хорошо сложен, для полицейского – выглядел слишком интеллигентно. Никаких других профессий ей вспомнить не удавалось. Точно известие о какой-то неотвратимой беде, человек этот возник неизвестно откуда и стоял теперь прямо перед ее глазами.

– Их сейчас нет... – пролепетала секретарша, поспешно захлопнув журнал. – Обещали быть через полчаса...

– Я подожду, – мгновенно ответил он. Будто знал заранее, что ему скажут.

Лихорадочно пытаясь решить, не спросить ли ей хотя бы имя посетителя, секретарша вконец запуталась, отказалась от этой мысли и провела гостя в приемную. Человек опустился на небесно-голубой диван, положил ногу на ногу – и застыл как каменный, упершись взором в электронные часы на стене напротив. Через некоторое время она принесла ему ячменного чая, а он все сидел, не сдвинувшись ни на миллиметр.

– Прямо там, где сейчас сидишь ты, – сказал мой напарник. – Вот так же сидел себе, не меняя позы, и тридцать минут подряд сверлил глазами часы!..

Я поизучал глазами изгибы дивана, на котором сидел, поднял взгляд к часам на стене и снова уставился на своего напарника.

Несмотря на жару, крайне редкую для конца сентября, гость наш был одет, что называется, «по всей форме». Из рукавов костюма – благородно-серых тонов, явно шитого в дорогом ателье – белоснежные манжеты выглядывали ровно на полтора сантиметра; безупречно подобранный галстук в изысканно-невнятную полоску был повязан с едва заметной асимметричностью; туфли из черного «кордована» блестели, как зеркала.

В свои 35–40 лет при росте около 170 сантиметров этот человек не имел ни грамма лишнего веса. Узкие кисти рук без малейших морщин плавными линиями перетекали в длинные, много лет упражнявшиеся в гибкости пальцы и своим видом напоминали древнейшую форму растительности – два семейства извивающихся существ с общими грибницами-корневищами, в недрах которых и по сей день таились дремучие инстинкты самой первой жизни на Земле. Ногти, отшлифованные временем и кропотливой заботой, слагали на кончиках пальцев орнамент из безупречных по форме овалов. То были несомненно красивые и чем-то неуловимо странные руки. Вид этих рук заставлял подозревать, что владелец их – специалист какого-то очень узкого профиля, вот только какого именно, для всех оставалось загадкой.

Отличие от рук, лицо этого человека ничего особенного не рассказывало. Очень правильное лицо – простое и без выражения. Прямые, будто стесанные топором, линии надбровий и носа; ровная полоса сухих губ. Чуть темноватый, глубокий тон его кожи был совсем не похож на тот обычный загар, какой легко получают на пляжах и теннисных кортах. Разве только совсем чужое, неведомое солнце, припекая с небес над неизвестной землей, могло придать человеческой коже такой необычный оттенок.

Время ползло угрожающе медленно. Все эти тридцать минут были жестко холодными и напряженными, точно болты в крепежной конструкции, что только и удерживает готовый вот-вот сорваться в небо гигантский цеппелин. И когда мой напарник наконец возвратился из банка, ему показалось, что воздух в конторе страшно угрюм и тяжел. Как если бы всю мебель вокруг поприбивали гвоздями к полу.

– Я, разумеется, только хочу сказать, что мне так показалось...

– Ну разумеется, – ответил я.

Одинокая секретарша на телефоне, сраженная столбняком, забилась в свой угол и подавала крайне мало признаков жизни. Сбитый с толку, мой напарник забрел в приемную, увидел там посетителя, автоматически представился, назвав свое имя и должность, и только тогда наконец гость нарушил позу истукана, извлек из нагрудного кармана тонкие сигареты, закурил и с озабоченно-хмурым видом выпустил в пространство перед собой узкую струю дыма. Воздух в комнате дрогнул и будто слегка разрядился.

– Времени в обрез. Так что перейдем сразу к делу, – негромко произнес посетитель. Сказав так, он вытащил из бумажника вычурную, чуть не режущую пальцы краями визитную карточку и с легким щелчком припечатал ее к столу. С карточки из особой, похожей на пластик бумаги неестественно-белого цвета глядели на мир черные, отпечатанные мелким шрифтом иероглифы имени и фамилии. Ни званий, ни должности, ни телефона – только эти четыре иероглифа. При одном взгляде на эту карточку начинали болеть глаза.

Мой напарник перевернул визитку обратной стороной вверх, убедился в девственной белизне ее оборота, глянул еще раз на лицевую сторону – и поднял глаза на странного гостя.

– Вам знакомо это имя, не правда ли? – спросил тот.

– Да, знакомо.

Странный гость коротко кивнул, сместив подбородок вниз на несколько миллиметров. Взгляд его при этом не дрогнул ни на мгновение.

– Сожгите ее.

– Сжечь?.. – мой напарник, разинув рот, уставился на собеседника.

– Вот эту карточку. Прямо сейчас. Сожгите, пожалуйста, и выбросьте пепел, – слово за словом, будто строя ножом, произнес посетитель.

В абсолютной растерянности мой напарник взял со стола зажигалку, высек огонь и поднес язычок пламени к самому краю карточки. Взявшись пальцами за другой край, он подождал, пока та догорела до половины, затем опустил ее, пылающую, в большую хрустальную пепельницу посередине стола, и оба стали молча следить глазами за тем, как бумага медленно

исчезает, превращаясь в белесый пепел. Когда карточка сгорела дотла, в комнате воцарилась глухая, свинцовая тишина, будто на поле боя после смертельной резни.

– Я нахожусь здесь как полномочный представитель всех интересов этого господина, – нарушил паузу посетитель. – Иначе говоря, я хотел бы от вас понимания того обстоятельства, что все, о чем я сообщу, передается вам в соответствии с его личными волей и желаниями.

– Желаниями... – повторил мой напарник.

– «Желание» – наиболее красивое слово для обозначения принципиальной позиции субъекта по отношению к намеченной цели. Разумеется, – добавил незнакомец, – могут быть и другие выражения. Вы меня понимаете?

Мой напарник попытался в уме перевести речь собеседника на человеческий язык.

– Понимаю...

– Как бы там ни было, мы не будем здесь рассуждать ни о понятиях с концепциями, ни о большой политике; разговор пойдет исключительно про бизнес.

Слово «бизнес» этот человек произнес очень отчетливо, с явным американским акцентом: «бейзнесс». Как пить дать – предки-иностранцы где-нибудь во втором колене.

– Вы бизнесмен – и я бизнесмен. Если исходить из реальности, то ни о чем другом, кроме бизнеса, мы с вами и не должны говорить. А вопросами нереальной природы пусть займутся другие. Не так ли?

– Именно так, – ответил мой напарник.

– Наши же обязанности сводятся к тому, чтобы придавать нереальным категориям утонченно-привлекательный вид и вставлять их в жесткие рамки реальности... Люди зачастую сами бывают рады убежать в нереальное. А все потому, – и указательным пальцем правой руки гость погладил изумрудного цвета перстень на среднем пальце левой, – что им так кажется проще. В силу этого иногда получается, будто нереальное уже вроде как вытесняет, выдавливает собой реальность. Однако заметим: в нереальном мире нет места для бизнеса. Мы же, таким образом, представляем собой особую разновидность людей, чье появление влечет за собой проблемы и осложнения. Поэтому, – прервавшись, он снова погладил зеленый перстень, – если то, что я вам сейчас сообщу, вдруг потребует от вас принятия важных решений либо еще как-нибудь усложнит вашу жизнь, – то я просил бы заранее меня извинить.

Плохо соображая, о чем идет речь, мой напарник молчал.

– Итак, перейдем к реальным желаниям. Первое: мы желаем, чтобы вы немедленно остановили выпуск журнала с изготовленной вами рекламой страхового агентства П.

– Но позвольте...

– Второе, – с силой оборвал незнакомец. – С работником, подготовившим эту страницу, мы желали бы непосредственно встретиться и поговорить.

Посетитель извлек из нагрудного кармана пиджака белоснежный конверт, вынул оттуда сложенный вчетверо лист бумаги и протянул моему напарнику. Тот взял его и, развернув, пробежал глазами. Это была копия страницы с рекламой страхового агентства, сделанной, несомненно, в нашей конторе. Фотография – стандартный пейзаж Хоккайдо: снег, горы, овцы в долине да позаимствованные неведомо откуда строчки пастушьей песенки; ничего более.

– Таковы два наших желания. Собственно, насчет первого стоит сказать, что это дело решенное. А если быть совсем точным, то в русле этого желания уже принято соответствующее решение. И если имеют место какие-то сомнения, никто не мешает вам позвонить в издательство начальнику отдела рекламы.

– Да, действительно, – сказал мой напарник.

– Тем не менее мы, со своей стороны, с легкостью можем представить серьезность того ущерба, который подобное затруднение может нанести фирме вашего масштаба. Слава богу, мы – и вы это знаете – располагаем известного рода влиянием в данных кругах. И поэтому в случае, если наше второе желание окажется выполнимо и ваш сотрудник предоставит удовле-

творящую нас информацию, мы будем готовы компенсировать ваш ущерб. С лихвой, уверяю вас.

Глубокая тишина затопила комнату.

– Если же мы не встретим у вас понимания в этом вопросе, – продолжал после паузы незнакомец, – вам придется сойти с дистанции. С этого дня и до скончания века в этом мире для вас не найдется свободного места.

Снова – давящая тишина.

– У вас есть какие-нибудь вопросы?

– Если я вас правильно понимаю, проблема – в самой фотографии? – робко спросил мой напарник.

– Совершенно правильно, – подтвердил гость. Его постоянно шевелящиеся пальцы словно перебирали и отсортировывали слова перед тем, как он их произносил. – Совершенно правильно. Однако ничего сверх этого я вам объяснить не могу. Не располагаю для этого полномочиями.

– Сотруднику я позвоню домой... Думаю, он будет здесь в три, – сказал мой напарник.

– Прекрасно. – И гость скользнул глазами к часам на руке. – В таком случае, к четырем часам я присылаю машину. И наконец – особо важный момент: все, о чем здесь говорилось, ни малейшему разглашению не подлежит. Договорились?

И два бизнесмена расстались по-деловому.

3. Сэнсэй

– Вот такие дела, – сказал мой напарник.

– Ни черта не понятно, – сказал я, сжимая в губах незажженную сигарету. – Во-первых, непонятно, что за птица – настоящий хозяин карточки. Во-вторых, непонятно, почему он так нервничает из-за фотографии каких-то овец. Ну и, наконец, мне совершенно неясно, каким образом этот тип может изъять из печати нашу рекламу...

– Хозяин карточки – крупная акула правых. Во внешний мир особенно не высовывается, и поэтому простому народу его имя может ничего и не говорить; в деловых же кругах о нем знают практически все. Ты, видно, единственное исключение...

– Далеко я от светской жизни, – буркнул я, словно оправдываясь.

– Вообще говоря, он не совсем из правых... Даже, скорее, – совсем не из правых.

– Ну вот – вообще ничего не понятно...

– Если честно, всегда было сложно разобраться, что там у него в голове. Работ он не пишет, речей перед публикой не говорит. Пять лет назад репортер из одного ежемесячника попробовал было копнуть под него по поводу взяток, оформлявшихся как партийные взносы, – да самого же репортера и закопали...

– А ты, я смотрю, неплохо осведомлен.

– Я хорошо знал того репортера.

Я поднес зажигалку к сигарете в губах и затянулся.

– А этот репортер... Чем он сейчас занимается?

– Перебросили в общий отдел. С утра до вечера, не разгибаясь, правит рекламные тексты... Мир «масс-коми»⁶, как тебе известно, до удивления тесен, так что его фигура теперь – как бы наглядный урок, предостережение всем остальным. Знаешь, как у африканских аборигенов – белые кости при входе в деревню...

– Да уж, – хмыкнул я.

– Впрочем, кое-что из довоенной биографии этого типа мне все-таки известно. Родился в 1913-м на Хоккайдо. Закончил школу – перебрался в Токио; скакал с работы на работу, пока не прибил к правым. Кажется, всего однажды – но все-таки угодил тогда за решетку. Отсидел – подался в Маньчжурию, где спелся с офицерами Квантунской армии и создал какую-то организацию диверсионного толка. Чем занималась эта организация, я уже толком не знаю. Именно с тех пор он неожиданно становится человеком-загадкой. Поговаривали, что он наркоман; да, видимо, так и было... Погулял, порезвился по Китайской равнине – и ровно за две недели до прихода советских войск на большом эсминце благополучно эвакуировался на родную землю. Вместе с кучей трофейного золотишка, понятное дело...

– М-да, просто поразительно вовремя.

– В том-то и дело: этот тип всегда умел очень талантливо рассчитывать время. Когда лучше закидывать невод, когда – тащить... И, кроме того, всегда как-то заранее чувствовал, в какую именно точку следует бить.

Когда верхушку оккупационной армии арестовали за военные преступления категории «А», расследование по его делу прервали на полдороге, а само дело просто-напросто закрыли. Причины – сперва «по болезни», а потом все вообще окутано мраком и схоронено на века. Скорее всего, имела место какая-то сделка с войсками США. Макартур ведь тоже очень облизывался на китайские просторы...

Мой напарник снова вынул из карандашницы шариковую ручку и, зажав между средним и указательным пальцами, принялся вертеть ее туда-сюда.

⁶ Японское производное от *англ.* mass communication – средства массовой информации.

– Так вот, выбрался он из казематов Сугамо⁷, вытащил на свет божий свои сокровища, которые прятал неизвестно где, – и разделил их на две половины. На первую купил с потрохами одну из фракций в партии консерваторов; на вторую же – весь мир рекламы. Это еще в те времена, когда всей-то рекламы было афишки замызганные да листовки на заборах...

– М-да, тип дальновидный, ничего не скажешь... А что, насчет его теневых капиталов так ни разу нигде ничего не всплыло?

– Перестань. Владелец целой фракции консерваторов.

– Да, действительно... – пробормотал я.

– В общем, с помощью денег он зажал в одном кулаке и политиков, и рекламу; и этот его механизм прекрасно функционирует по сей день. А на поверхность он не выходит потому, что не видит в том ни малейшей нужды. Поскольку если в твоих руках и политика, и реклама, для тебя, говоря строго, нет ничего невозможного, так ведь? А ты вообще представляешь себе, что значит владеть всей рекламой?

– Не очень...

– Владеть всей рекламой – это значит держать за горло практически всю печать, телевидение и радио. Ни одно издательство, ни единый канал в эфире просто не могут существовать без рекламы. Все равно что аквариум без воды. До 95 % всей информации, которую воспринимают твои глаза и уши каждый день, заранее отобраны по чьей-то воле и оплачены из чьего-то кармана.

– Все равно пока непонятно, – упорствовал я. – То, что этот тип прибрал к рукам все СМИ, – это я понял. Но какую силу он имеет над рекламными издательствами страховых агентств? Здесь же прямые контракты без участия крупных рекламопроизводителей, так или нет?

Мой напарник откашлялся и залпом допил остывший чай.

– Акции. Основной источник постоянного роста его капитала – это чьи-нибудь акции. Движение акций, перепродажа, скупка контрольных пакетов и тому подобное. Всю необходимую для этого информацию собирает его «Особый отдел»; он же только выбирает, что ему нужно, а что – нет. Естественно, из всего мощного потока данных лишь ничтожно малая часть отходит «масс-коми» и публикуется «для народа». Все остальное Сэнсэй прибирает к своим рукам и, тщательно пересмотрев, скупает самые выгодные варианты. Не напрямую, разумеется, – шантажом всех мастей и оттенков. Ну, а если шантаж не действует, то информация, как и положено в сообщающихся сосудах, перетекает в большую политику...

– Что-то по принципу «у всякой фирмы есть хоть одна маленькая слабость»?

– Еще проще: ни у какой фирмы нет желания услышать заявление-бомбу на собрании учредителей... В общем, я тебе все сказал. Дух Сэнсэя царит над нами сразу в трех измерениях этого мира: в политике, в рекламе и в акциях. Это ты, я надеюсь, себе уяснил. А раз так, то нетрудно представить, что раздавить рекламный журнальчик, вроде нашего, и выкинуть нас на улицу – для него еще проще, чем тебе почистить яйцо на завтрак...

– Уф-ф... – перевел я дыхание. – Но все равно: за каким дьяволом такому большому дяде напрягаться из-за фотографий хоккайдосской природы?

– А вот это – и в самом деле хороший вопрос! – парировал мой напарник. – Я как раз собирался задать его тебе.

Мы помолчали.

– Как ты догадался, что разговор – про овец? – спросил он. – Откуда? Что вообще происходит такого, о чем я не знаю?

– «То карлик неведомый вертит Кармы веретено, наших судеб нити переплетая»...

⁷ Район Токио, где располагалась тюрьма, в которой содержали японских военных преступников по окончании Второй мировой войны.

– Ты не мог бы выражаться яснее?

– Шестое чувство.

– Ну-ну... – вздохнул мой напарник. – В любом случае, вот тебе еще парочка свежих новостей. Я позвонил тому бывшему репортеру из ежемесячника, и он мне кое-что сообщил. Первое – Сэнсэ свалил инсульт, и на ноги он больше не встанет. Хотя на официальном уровне это пока не подтверждено... И второе – насчет типа, который сюда заявился. Это первый секретарь Сэнсэ, в Организации – Человек Номер Два, который ведает всеми вопросами управления. Сын иностранца, выпускник Стэнфорда, под Сэнсэем работает вот уже двадцать лет. Темная лошадка, но с мертвой хваткой и мгновенной реакцией. Это все, что мне удалось узнать.

– Спасибо, – вежливо сказал я.

– Не за что, – ответил мой напарник, стараясь не глядеть на меня.

До тех пор, пока он не напивался, – что говорить! – он был гораздо достойнее меня. Во всех отношениях – добрее, наивнее, рассудительнее. Но рано или поздно он все-таки непременно сопьется. И от этого на душе у меня делалось тяжело. От самой мысли – о том, что многие люди явно достойней меня приходят в негодность гораздо быстрее.

Когда мой напарник вышел из комнаты, я отыскал в шкафу его виски, сел и принялся пить в одиночку.

4. Считая овец

Бывает так, что ни с того ни с сего, без какой-то конкретной цели Судьба забрасывает нас в совершенно чужие края. «Случайно», – говорим мы тогда. Точно так же, мол, капризами весеннего ветра заносит за тридевять земель крылатое семя какого-нибудь растения.

В то же время можно с равной уверенностью утверждать, что никакой «случайности» не бывает. Мы всегда вправе сказать: то, что с нами уже произошло, случилось как неизбежный факт; а то, что до сих пор не произошло, пока не случилось, и с этим тоже трудно поспорить. Одним словом, мгновение, в котором мы единственно существуем, постоянно отсекает и отбрасывает назад все, оставляя нам вечный ноль перед носом; и тут уже ни «случайностям», ни каким-то еще «вероятностям» просто места не остается.

На самом деле между двумя этими точками зрения нет никакой особенной разницы. Просто здесь (как и при любой конфронтации взглядов) мы имеем два разных названия для одного и того же блюда.

Но это все – аллегории.

С одной стороны (точка зрения А), то, что я решил использовать в рекламе фотографию с пейзажем Хоккайдо, – чистой воды случайность. С другой стороны (точка зрения Б) – никакой случайности нет.

А) Я искал подходящее фото для макета рекламной страницы. В ящике стола завалился снимок хоккайдосской долины с овцами, который я и взял. Мирная случайность из мирной, обычной жизни.

Б) Фотография уже давно дожидалась меня. Не в том, так в другом макете, выходящем из моих рук, я все равно бы ее использовал.

Подумав, я прихожу к мысли: вероятно, подобная формула применима и для анализа всей моей прожитой жизни в разрезе. Возможно даже, если я потренируюсь еще немного, то научусь-таки поддерживать этот баланс: левой рукой – свою жизнь в измерении «А», правой – свою жизнь в измерении «Б»... Впрочем, не все ли равно? Здесь ведь как с дыркой от бублика. Скажем ли мы: «внутри нет ничего», или будем утверждать: «есть дырка», – все это сплошные абстракции, и вкус бублика от них не изменится.

Мой напарник ушел по своим делам – и комната неожиданно опустела. Только стрелка электронных часов описывала бесшумно круг за кругом. До четырех, когда за мной должна приехать машина, оставалось еще порядочно времени, но никакой неотложной работы не было. Из конторы за дверью также не доносилось ни звука.

Потягивая виски на небесно-голубом диване, я медитировал в воздушном потоке кондиционера, как пух одуванчика на ласковом ветерке, и неотрывно следил глазами за стрелкой электронных часов. Я видел бегущую стрелку – значит, мир еще продолжает вертеться. Не такой уж и замечательный мир, но вертеться он все-таки продолжает. А поскольку я осознаю, что мир продолжает вертеться, я по-прежнему живу на свете. Не такой уж и замечательной жизнью, но все-таки живу. Как странно выходит, подумал я: неужели только по стрелкам часов люди могут удостоверяться в том, что они существуют? На свете наверняка должны быть и другие способы подобной «самопроверки». Но как ни пытался я придумать что-то еще, ничего больше в голову не приходило.

Я отказался от дальнейших попыток и хлебнул еще виски. Горячая волна обожгла горло, прокатилась по стенкам пищевода, добралась, искусно лавируя, до желудка и уже там, наконец, улеглась на самое дно и затихла. За окном висело густо-синее летнее небо с белыми облаками. Красивое небо, но с тем странным, едва уловимым налетом изношенности, какой бывает у подержанной вещи. Старое небо, которое лишь снаружи – для товарного вида – протерли медицинским спиртом перед тем, как пускать с молотка. Вот за это самое небо, которое было новехоньким когда-то давным-давно, я и выпил еще глоток виски. Скотч был совсем недурен. Да и небо, когда глаза привыкли к нему, больше не казалось плохим. Слева направо по небесному своду лениво полз реактивный самолет. Его жесткая, поблескивавшая на солнце скорлупа напоминала кокон с личинкой какого-то насекомого.

После второго виски в моей голове червяком зашевелился вопрос: а что это я, собственно, здесь сижу? О чем это я, черт побери, все время пытаюсь думать?

Да об овцах же.

Я привстал с дивана, стянул со стола бумагу с оттиском рекламной страницы – и плюхнулся на место. Затем, посасывая кусок льда, сохранившего вкус виски, я добрых двадцать секунд безотрывно разглядывал фотографию и терпеливо пытался обнаружить в ней хоть какой-нибудь скрытый смысл.

На фотографии было изображено стадо овец на лугу. По краю луга тянулась березовая роща. Такие березы-гиганты можно встретить лишь на Хоккайдо. Здесь уж не те хилые березки, что посадил возле дома зубной врач у меня по соседству. Об одну *такую* березищу смогли бы, не толкаясь, поточить когти четыре медведя одновременно. Судя по густой листве на деревьях, дело происходит скорее всего весной. На горных вершинах вдали еще лежит снег. Значит, где-то апрель или май. Время года, когда земля под снегом размывается в кашу. Небо голубое (то есть – наверное, голубое: черно-белая фотография не давала уверенности в его голубизне; кто его знает – может, и ярко-розовое, как рыба лосось). Белые облака стелились тонкими полосами над пиками гор. Тут уж, сколько ни напрягай воображение, «стадо овец» может означать только стадо овец, «березовая роща» имеет смысл лишь как березовая роща, а «белые облака» не содержат в себе никакой другой информации, кроме того, что это – облака, и цвет у них белый. Вот и все, и ничего больше.

Я бросил фотографию обратно на стол, выкурил сигарету и смачно зевнул. Затем снова взял фотографию в руки – и на этот раз попробовал посчитать овец. Однако долина была настолько просторной, и все эти овцы разбрелись по ней, как отдыхающие на пикнике, – так беспорядочно, что чем дальше к горизонту уходил я в своих подсчетах, тем труднее было отличить овцу от простого белого пятнышка, белое пятнышко – от обмана зрения, а обман зрения – от пустоты. Тогда – делать нечего – кончиком шариковой ручки я попытался сосчитать хотя бы тех овец, в чьем «овечестве» был уверен на сто процентов. Худо ли бедно, у меня получилось число тридцать два. Тридцать две овцы. Стандартная, ничем не примечательная фотография. Ни интересной композиции, ни того, что можно назвать «изюминкой».

И все-таки что-то в ней явно было... Странный привкус тревоги. В миг, когда я увидел этот снимок впервые, именно такое ощущение поселилось в душе и все три последующих месяца уже не покидало меня.

Я повалился спиной на диван и, держа фотографию над собой, еще раз пересчитал овец. Тридцать три овцы.

ТРИДЦАТЬ ТРИ?

Я зажмурился и помотал головой, пытаюсь вытряхнуть скопившуюся чертовщину... А, ладно, сказал я себе. Чему быть, того не миновать. А что случилось – того уже не изменишь.

Лежа на диване, я собрался с духом и начал считать овец заново. За этим занятием меня и сразил тот внезапный глубокий сон, какой случается, если пить двойной виски сразу после обеда. За миг до того, как уснуть, я подумал об ушах своей новой подружки.

5. Автомобиль и его водитель (1)

Машина за мной, как и было назначено, прибыла ровно в четыре. Секунда в секунду – словно кукушка из часов. Девочка-секретарша вызволила меня из бездонного сна. Я наскоро сполоснул лицо в туалете, но сонливость не проходила. В лифте, пока тот вез меня вниз, я трижды зевнул. Зевнул так, будто зевками звал кого-то на помощь; хотя в моем случае и тем, кто звал, и тем кого звали, мог быть разве только я сам.

Гигантский автомобиль громоздился у входа в здание, точно подводная лодка, всплывшая из океанской пучины. Скромная небольшая семья могла бы неплохо разместиться под капотом этой громадины. Стекла мрачно-синего цвета не позволяли даже в общих чертах разобирать, что творится внутри. Корпус машины был покрыт умопомрачительной черной краской, и куда ни глянь, везде – от бампера до колпаков на колесах – не было ни пылинки, ни пятнышка.

Водитель – средних лет, с оранжевым галстуком поверх свежайшей белой сорочки – стоял навтыжку рядом с автомобилем. То был Водитель в полном смысле слова. При моем приближении он, ни слова не говоря, распахнул дверцу, внимательно проследил затем, чтобы я устроился на сиденье поудобнее, и только после этого закрыл дверцу. Потом он занял место за рулем и так же мягко затворил дверцу за собой. Звук от этих действий происходило не больше, чем от перетасовывания колоды карт. Куда там моему пятнадцатилетнему «жучку-фольксвагену», приобретенному у приятеля по дешевке... Находиться в этой машине было все равно что сидеть на дне озера с затычками в ушах.

Внутри автомобиля все было тоже очень солидно. И хотя у человека, который решал, что подходит для салона огромного лимузина, был не самый безупречный вкус, результаты его усилий оказались просто внушительными. Между подушек необъятного заднего сиденья утонул шикарный кнопочный телефон, и с ним рядом на пульте я обнаружил пепельницу, сигаретницу и зажигалку – все из чистого серебра. В спинке кресла водителя были встроены откидной столик и секретер для письменных принадлежностей – и перекусить, и поработать с бумагами. Из кондиционера дул едва различимый ветерок, а пол устилало мягкое ковровое покрытие.

О том, что машина тронулась, я догадался, когда мы уже были в пути. Казалось, будто в каком-то железном тазу я бесшумно скольжу по гладкой как ртуть поверхности огромного озера. Я попытался прикинуть, сколько денег ухлопали на этот автомобиль, но представить это оказалось мне не под силу. Это просто выходило за пределы моего воображения.

– Из музыки что пожелаете? – осведомился водитель.

– Хорошо бы что-нибудь... усыпляющее, – ответил я.

– Как изволите.

Откуда-то из под сиденья водитель выудил кассету, вставил в панель перед собой и нажал кнопку. Из динамиков, скрытых неведомо где, выплеснулась и потекла, заполняя салон, соната для виолончели. Безупречная музыка, безукоризненный звук.

– А вы что же, все время вот так... клиентов развозите? – спросил я.

– Да, – осторожно ответил водитель. – В последнее время – постоянно.

– А-а, – протянул я.

– Вообще говоря, это персональная машина Сэнсэя, – продолжал водитель после небольшой паузы. В душе он, похоже, был гораздо приветливее, чем казался на вид. – Да нынешней осенью Сэнсэй занемог, и из дому теперь не выходит. И мы с машиной оказались вроде как не у дел. Ну а у машины – вы, наверное, сами знаете, – если долго не заводить, снижаются технические возможности...

– И не говорите, – сказал я. Значит, из болезни Сэнсэя вовсе не делалось особенной тайны. Я вытянул из сигаретницы сигарету и исследовал ее со всех сторон. Сделано по заказу, без фильтра, оба конца обрезаны, без торговой марки, без имени фирмы-изготовителя. По

запаху напоминало русский табак. Поколебавшись немного – закурить или сунуть в карман? – я передумал и вернул сигарету на место. И на зажигалке, и на сигаретнице прямо по центру были впаяны тончайшей гравировки геральдические гербы. На гербах были овцы.

Овцы?!..

Я почувствовал, что здесь уже бесполезно пытаться что-то понять, просто помотал головой и закрыл глаза. С того полудня, когда я впервые увидел фотографию ушей, похоже, слишком много вещей вокруг стало выходить из-под моего контроля.

– Сколько нам еще ехать? – спросил я у водителя.

– Минут тридцать – ну, может, сорок... Смотря как дорога будет заполнена.

– Тогда, будьте любезны, сделайте ветерок послабее. Я тут, понимаете, один сон не успел досмотреть...

– Как прикажете.

Водитель настроил кондиционер и нажал какую-то кнопку на центральной панели. Массивное стекло, плавно поднявшись, отрезало пассажирский салон от сиденья водителя. И если бы не еле слышная музыка Баха, я бы сказал, что салон затопила абсолютная, космическая тишина. Впрочем, к тому моменту меня уже трудно было чем-либо поразить. Зарывшись в подушку сиденья, я спал крепким сном.

В сон ко мне явилась корова. Вполне опрятная, чистенькая коровка, но какая-то истрадавшаяся и заметно побитая жизнью. Мы встретились нос к носу на широком мосту. Ласковое весеннее солнце клонилось к закату. В одном копыте корова держала старенький электрический вентилятор, предлагая мне – мол, не купишь ли, дешево отдам. «Денег нет», – сказал я. Денег и правда не было.

«Ну давай хоть на плоскогубцы махнемся», – сказала корова. Звучало заманчиво. Мы пошли с коровой ко мне, и я перевернул все в доме вверх дном, пытаясь найти плоскогубцы. Но их нигде не было.

«Очень странно, – сказал я корове. – Ведь еще вчера они были!..»

Я потащил стул к антресолям, чтоб поискать и там, но водитель уже будил меня, хлопая по плечу.

– Приехали! – бросил он односложно.

Дверь открылась, и лучи летнего предзакатного солнца обласкали мое лицо. Мириады цикад издавали скрежет, будто кто-то проворачивал ключ у гигантского механического будильника. Пахло землей.

Я выбрался из машины, размял спину, глубоко вздохнул и помолился Небу, чтобы мой сон не имел отношения к так называемым «Символическим Сновидениям».

6. Вселенная глазами Червяка

Бывают символические сновидения – и реальная жизнь, которую они символизируют. Или же наоборот: бывает символическая жизнь – и сновидения, в которых она реализуется. Символ – почетный мэр города, если смотреть на Вселенную глазами крохотного червячка. Во Вселенной Глазами Червяка никто не станет удивляться, зачем корове плоскогубцы. Раз ей так хочется, достанутся ей эти несчастные плоскогубцы не сейчас, так потом. Мне-то с моими проблемами от этого не легче...

Иное дело, если для того, чтобы раздобыть себе плоскогубцы, корова решила использовать именно меня. Тогда ситуация в корне меняется. Тут уж меня забрасывает в совершенно чужие измерения, где кто-то другой видит все совсем иначе. Когда вдруг тебя забрасывает в другое измерение, самое неудобное – это долгие разговоры. «На фига тебе плоскогубцы?» – спрошу я корову. «Очень кушать охота», – ответит она. «А на фига плоскогубцы, когда кушать охота?» – спрошу я. «А повешу на ветку с персиками!» – ответит она. «А ветка с персиками – на фига?» – спрошу я. «Так ведь я ж тебе целый вентилятор взамен отдаю!» – ответит она. И так без конца. И вот в бесконечном таком разговоре я постепенно начну ненавидеть корову, а корова начнет ненавидеть меня. Так и случается во Вселенной Глазами Червяка. И единственный способ убежать оттуда – это поскорее увидеть еще какой-нибудь сон.

И вот теперь, сентябрьским полднем 1978 года, четырехколесное железное чудище завезло меня в самый центр Вселенной Глазами Червяка... Надо понимать, вопрос с моими молитвами там, на небесах, был решен отрицательно.

Я огляделся и невольно вздохнул. Вздыхать – единственное, что оставалось в моей ситуации.

Машина стояла на вершине небольшого холма. Дорожка из гравия, по которой мы, надо думать, сюда и приехали, убегала вниз по склону за нашей спиной, петляя вычурным серпантином до едва различимых вдали ворот. Слева и справа тянулись рядами криптомерии и ртутные фонари – на одинаковом расстоянии друг от друга, длинные и острые, как заточенные карандаши. Неспешно добрести до ворот можно было, наверное, минут за пятнадцать. Деревья осаждались полчищами неистребимых цикад, и воздух дрожал от скрежета, не оставлявшего ни малейших сомнений в том, что конец света уже начался.

Трава под деревьями ближе к дорожке была аккуратно подстрижена, и с наклонных обочин на меня таращились рассаженные в беспорядке то ли азалии, то ли розалии, то ли еще какие-то рододендроны. Стайка скворцов неторопливо переправлялась по газону справа налево, чудно шевелясь и волнуясь, как зыбучий песок.

По склонам холма вниз к подножию спускались мраморные ступени: направо – к японскому саду с прудом и каменными светильниками, налево – к небольшому полю для гольфа. На одном краю поля виднелась беседка непередаваемой расцветки мороженого с изюмом, на другом – маячила каменная статуя какого-то типа из греческой мифологии. Позади статуи громоздился исполинских размеров гараж: у самого входа еще один водитель поливал водой из шланга еще один автомобиль. Марки машины я не разобрал, но в том, что это не подержанный «фольксваген», сомневаться не приходилось.

Скрестив руки на груди, я еще раз обвел взглядом окрестности. Идеально, не к чему прицепиться... Голова раскалывалась от боли.

– А где почтовый ящик? – спросил я на всякий случай. Интересно, кого они тут гоняют за почтой по утрам и вечерам.

– Почтовый ящик – на задних воротах, – ответил водитель. Само собой, чего спрашивать. Конечно, должны быть и задние ворота.

Я перестал озиаться, посмотрел прямо перед собой и уперся взглядом в огромных размеров дом.

То было – как лучше сказать? – просто пугающе одинокое здание. Скажем так: жило-было на свете Одно Общепринятое Утверждение. И были у него, как водится, свои маленькие исключения. Но годы шли, исключения росли, расплзались безобразными пятнами по телу родителя – и спустя какое-то время превратили и его, и себя уже в Абсолютно Другое, чуть ли даже не в Совершенно Обратное Утверждение. Тоже, разумеется, со своими маленькими исключениями... Черт его знает, как еще лучше выразиться. Но именно так и выглядело это здание. Сильнее всего оно смахивало на доисторическую рептилию, чье тело в результате беспорядочных мутаций – зигзагов слепой эволюции – развилось до ненормальных, ей самой мешавших размеров.

По первоначальному плану здесь, видимо, имелся в виду европейский стиль периода Мэйдзи⁸. Над высокой классической аркой парадного хода громоздилось двухэтажное строение в кремовых тонах. Старомодные узкие окна с двойными рамами. Стены много раз перекрашивали. Крыша, как полагается, была покрыта листовой медью, а водостоки проложены с хитроумием и основательностью строителей римского водопровода. В общем, что касается самого дома, он был вовсе не так и плох. Что ни говори, в нем ощущалось какое-то утонченное благородство старого доброго времени.

Но уже справа от главного здания какому-то другому весельчаку-архитектору взбрело в голову пристроить еще два крыла – поменьше, но, по возможности, в том же стиле и той же расцветки. Задумка сама по себе неплохая, но результат оказался плачевным: пристройки эти ни по цвету, ни по духу с главным зданием не совпадали. Впечатление было такое, как если бы кто-то додумался смешать шербет со спаржей и подать эту несуразицу к столу на красивом серебряном блюде. В таком виде сей абсурд простоял, вероятно, не один десяток лет, после чего с самого боку к нему прилепили еще и башенку-флигель из серого камня. При этом на верхушку флигеля насадили металлический шпиль декоративного громоотвода. Явный ляпсус: первая же молния, попади она в эту штуку, спалила бы все здание с потрохами.

Крытый переход вел из флигеля к еще одному строению. Как и все предыдущее, этот суррогат архитектуры был также отмечен печатью Абсурда, но здесь, по крайней мере, ощущалась некая тематическая завершенность. Назовем это «идейным самосопротивлением»: именно такой вид мировой скорби глодал душу осла, который, стоя меж двух одинаковых стогов сена, никак не мог выбрать, с какого начать – да так и сдох с голодухи.

Слева же от главного здания резким контрастом ко всему, что я видел справа, тянулись стены одноэтажного японского особняка. С живой изгородью, заботливо ухоженными сосенками и великолепными верандами, прямыми и длинными – хоть устраивай кегельбан.

Как бы то ни было, весь пейзаж смотрелся с холма, точно странный фильм из трех разных частей вперемежку с рекламой. И если предположить, что фильм этот снимали продуманно, много лет и с осознанной целью: стонять со зрителя сонливость и хмель, – то я бы сказал, расчет режиссера полностью оправдался. Хотя, конечно, никакого особого умысла здесь быть не могло. Просто вот так и бывает, когда кучку посредственностей, рожденных в разных эпохах, связывает один капитал.

Изучение усадьбы и ее окрестностей отняло у меня куда больше времени, чем я ожидал. Не успел я подумать об этом, как заметил, что все это время водитель простоял рядом со мной, уставившись в часы на руке. При этом в позе его чувствовалось что-то чересчур отшлифованное. Можно было подумать, что каждый гость, которого он доставлял сюда, выходил из

⁸ Период правления императора Мэйдзи (1867–1912) – первый демократический период в истории Японии сразу после революции Мэйдзи и падения военно-феодального правительства сёгуната.

машины точнехонько в том же месте, где вышел я, точно так же остолбеневал и с таким же ошарашенным видом разглядывал этот странный пейзаж.

– Если хотите еще посмотреть – пожалуйста, можно не торопиться, – промолвил водитель. – Есть целых восемь минут.

– Просторное местечко!.. – сказал я. Ничего более подходящего мне в голову не пришло.

– Три тысячи двести пятьдесят цубо⁹, – сообщил водитель.

– А действующего вулкана у вас тут случайно нет? – попытался я пошутить. Шутка, разумеется, повисла в воздухе. В этом месте никто никогда не шутил.

Так прошло еще восемь минут.

От парадного входа меня провели направо в небольшой, метра три на четыре, кабинет в европейском стиле. До головокружения высокий потолок; между стенами и потолком бежала замысловатая фигурная лепка. Из мебели в комнате стояли антикварного вида стол и пара диванов, а на стене висел натюрморт, демонстрировавший, до чего способен дойти реализм в своем апогее. Яблоки, цветочная ваза и нож для бумаги. Видимо, предполагалось раскалывать яблоки вазой, а после ножом обдирать кожуру. Огрызки и семечки – выбрасывать в ту же вазу. Полураспахнутые занавески из толстой ткани и тюль по обеим сторонам окна аккуратно подобраны и подвязаны шнурками. В окне между ними виднелся вполне симпатичный уголок японского сада. Натертый дубовый паркет переливался бликами самых приятных оттенков. Половину комнаты занимал роскошный ковер, и хотя цвета его заметно поблекли от времени, длина ворса осталась такой, будто на него никогда не ступала нога человека.

Неплохая комната. Совсем неплохая.

Вошла средних лет горничная в кимоно, поставила на стол бокал с грейпфрутовым соком и удалилась, не промолвив ни слова. Дверь тихонько защелкнулась у нее за спиной, и воцарилась мертвая тишина.

На столе я увидел серебряный набор: сигаретница, пепельница, зажигалка. Точь-в-точь как в машине. На каждом предмете красовался тот же овечий герб... Я достал из кармана свои сигареты с фильтром, прикурил от серебряной зажигалки, затянулся, выпустил в высокий потолок длинную струю дыма. И принялся за грейпфрутовый сок.

Десять минут спустя дверь снова отворилась, и в комнату вошел высокого роста мужчина в черном костюме. Ни «добро пожаловать», ни «извините, заставил ждать», ни чего-либо другого он не сказал. Я тоже молчал. Он сел на диван напротив и, чуть склонив голову набок, принялся разглядывать меня с видом человека, определяющего цену товара на глаз. Мой напарник был прав: выражение на этом лице отсутствовало напрочь.

Так прошло еще какое-то время.

⁹ Цубо – мера площади = 3,3 кв. м. Здесь — площадь около 1,1 га.

Часть пятая

Письма Крысы и то, что за ними последовало

1. Первое письмо Крысы (штемпель: 21 декабря 1977 года)

Ну, как дела?

Давненько же мы с тобой не виделись! Сколько лет-то прошло? В каком году это было?..

Все хуже ориентируюсь в датах и числах. Кажется, будто странная черная птица мечется, хлопает крыльями над моей головой, а я никак не могу сосредоточиться и сосчитать до трех. Так что извини, но лучше тебе посчитать самому.

То, что я тогда, не сказав никому, внезапно уехал из города, наверное, и тебе доставило немало проблем. Или, может, тебя задело, что я не сообщил об этом даже тебе? Сколько раз уже я собирался объясниться с тобой – и не мог. Сколько писем писал – да рвал одно за другим. Но, я думаю, это естественно: разве можно объяснить кому-то другому то, что не удастся толком объяснить самому себе?

Вряд ли.

Никогда не умел писать писем как следует. То порядок мыслей с ног на голову, то доводы выводам не соответствуют, то еще что-нибудь. Получается, что, пытаясь изложить мысли на бумаге, я лишь еще больше запутываюсь. Не говоря уже о том, что мне недостает чувства юмора, и я частенько бросаю письмо, своим занудством себе же и надоев.

Хотя, положим, человеку, умеющему как следует писать письма, нет особой надобности этим заниматься. Ведь ему уже заранее известно, что и как он хочет сказать – и потому он может преспокойно оставаться живым внутри своего контекста. Но это, разумеется, моя личная точка зрения. Может быть, на самом деле жизнь в собственном контексте – вещь и вовсе невозможная.

Сейчас очень холодно, у меня коченеют руки. Я не чувствую, что это – мои руки. Даже мозги в голове – и те словно чужие. Падает снег. Снег, похожий на чьи-то мозги. Валит и валит, становясь, как и чьи-то мозги, все глубже, все непролазнее... (Что за бред я несу?)

Если не считать холодов – жизнь у меня в полном порядке. У тебя-то там как? Я не буду сообщать тебе мой нынешний адрес; не обижайся. Причина здесь вовсе не в том, что я хочу от тебя что-то скрыть. Пойми меня, если можешь. Для меня это очень деликатная проблема. Мне кажется, сообщи я тебе свой адрес – и внутри меня моментально что-то изменится. Не могу как следует объяснить...

По-моему, ты всегда хорошо понимал те вещи, которые я не умел как следует объяснить. Вот только чем больше ты понимал меня, тем хуже у меня получалось выражать свои мысли словами. Видимо, тут у меня с рождения какой-то мелкий изъян.

Конечно, у всех есть свои изъяны.

Но, видишь ли, величайший из моих изъянов как раз и заключается в том, что стоит мне выявить в душе какой-нибудь совсем небольшой изъянчик, как тот сразу начинает неудержимо расти. Иначе говоря – внутри у меня прямо какая-то птицеферма. Снесла курочка яичко, а оно превратилось в новую курочку, которая тоже снесла яичко... Вот так и плодятся изъяны в душе, и поражаешься: да разве может так жить человек – в постоянной попытке удержать весь их огромный, расползающийся рой жалким обхватом растопыренных рук? Но в том-то и дело, что может. В этом вся и беда.

Так или иначе, адреса своего я тебе сообщать не стану. Уверен, что так будет лучше. И для меня, и для тебя.

...Нам с тобой, наверное, следовало родиться где-нибудь в России XIX столетия. Мне – князем Таким-то, тебе – графом Сяким-то. На пару охотиться, стреляться на дуэлях, соперничать в любовных интригах, страдать метафизическими душевными муками и потягивать пиво, созерцая черноморский закат. На склоне лет оказаться замешанными в заговоре каких-нибудь очередных мартобристов, пойти по этапу в Сибирь – и там помереть... Замечательно было бы – ты не находишь? Родись я в XIX веке – наверняка и писал бы куда приличнее. Пусть не как Достоевский, на порядок пониже – но достаточно солидно для признания в свете. Что бы делал ты? Скорее всего, просто графствовал себе помаленьку «Просто граф» – это ведь тоже неплохо. Очень даже в духе столетия...

Ладно, хватит фантазий. Вернемся в XX век.

Поговорим о провинциальных городах.

Не о тех, где мы родились, а обо всяких других.

На свете, знаешь ли, существует несметное количество провинциальных городков. И в каждом обязательно есть такое, о чем мы и слыхом не слыхивали; собственно, этим они меня всегда и притягивали. Из-за этой тяги за последние годы я прокочевал по великому множеству таких вот маленьких городишек.

Сев на первый попавшийся поезд, я отправлялся, куда бог пошлет, выходил на случайной станции – и видел перед собой: маленький кольцевой разъезд, карту городка на железном щите и прямо по курсу – торговый квартал с притиснутыми друг к другу лавками и рестораничками. Картина одинаковая везде, куда бы я ни приехал. Одинаковая – до выражений на собачьих мордах. Описав пешком круг по городу, я заходил в контору по сдаче жилья и подбирал себе пансион подешевле. Известное дело, при первом знакомстве маленький, замкнутый в себе городишко не пылал особым доверием к чужакам вроде меня. Нуда ты меня знаешь: когда приспичит, я неплохо приспосабливаюсь к обстановке; дай мне 15 минут – и я сумею поладить с большинством окружающих. Так что и с жильем вопросы решались сразу, и любые сведения о жизни вокруг, когда нужно, всегда оказывались под рукой.

Дальше нужно было найти работу. Для этого, опять же, необходимо завести как можно больше знакомств. Ты, наверное, посчитал бы это чересчур утомительным (я и сам порой не знал, куда от скуки деваться) – пускаться во все тяжкие, чтобы найти работу на какие-то четыре месяца. Но, скажу тебе, «стать своим» в таком городишке совсем несложно. Первым делом вычисляется место, где собирается молодежь, какая-нибудь кофейня или закусочная (в любом городе есть что-то в этом роде – как колодец в деревне). Там, примелькавшись, заводишь приятелей, которые и знакомят тебя с очередным работодателем. Имя и биография, понятно, сочиняются всякий раз, исходя из ситуации. Ты просто не представляешь, каким количеством имен и биографий обзавелся я за последние годы. Иногда трудно даже вспомнить, кто я был в прошлом на самом деле.

Работа тоже случалась самая разная. В большинстве своем – скучная, но мне все равно нравилось. Чаще всего попадались бензоколонки. Затем – официантом в закусочных. Был я и приказчиком у букиниста, и ведущим радиопрограммы. Копал землю. Торговал косметикой. Между прочим, моей репутации торговца можно было позавидовать...

Ну и, конечно же, спал с разными девчонками. Скажу откровенно: спать поочередно с женщинами разных имен и биографий – штука совсем неплохая.

В общем, примерно так все и вертелось.

И вот мне двадцать девять. Через девять месяцев – тридцать.

Совпадала такая жизнь с моим внутренним «Я» или нет – этого я пока не пойму. Может, у меня натура скитальца, помогающая приживаться где угодно; не знаю. Кто-то писал, что для

долгой бродячей жизни человек должен тяготеть к какому-то из трех видов деятельности: проповедничеству, искусству или психоанализу. Дескать, без внутренней предрасположенности к одному из этих занятий долго не поскитаешься. Я же в своем характере ни одной из подобных склонностей не наблюдаю (хотя, если уж на то пошло... впрочем, не стоит).

А может быть, я просто по ошибке распахнул не ту дверь и забрел куда-то не туда – но слишком далеко, чтобы отступить назад. А раз уж ошибся дверью, так хоть води себя прилично. Да и, в конце концов, не всю жизнь же прозябать на кредиты да займы...

Вот такие дела.

Я уже говорил (или нет?), что боюсь вспоминать о тебе. Наверное, ты просто напоминаешь мне о временах, когда я был более или менее приличным человеком.

Р. S. Посылаю тебе свою повесть. Ценности для меня она больше не представляет, так что распорядись с ней, как сам сочтешь нужным.

Письмо пошлю срочной почтой – чтобы доставили к 24 декабря. Хорошо, если успеет вовремя...

Как бы там ни было, с днем рождения.

Ну, и – Счастливого Рождества!

Письмо от Крысы пришло под самый Новый Год – 29 декабря истерзанный мятый конверт просунули мне в щель почтового ящика. На конверте – сразу две квитанции о переадресовке: адрес я сменил много лет назад. Что ж, я сам виноват, что не сообщал о себе.

Четыре странички бледно-зеленой бумаги, заполненные убористым почерком. Я прочитал письмо трижды, затем взял конверт и исследовал знаки на полувывцветшем штампе. О городе с таким названием я ни разу в жизни не слышал. Сняв с полки атлас, попробовал отыскать это место на карте. Из некоторых фраз в письме Крысы создавалось впечатление, что речь идет о каких-то северных окраинах Хонсю. Предчувствие не обмануло меня: я нашел, что искал, в префектуре Аомори. То был крохотный, забытый богом городишко: целый час езды на электричке от самого Аомори. По расписанию поезда там останавливались пять раз в день. Два раза утром, один в обед и два вечером. Что такое Аомори в декабре, я знаю: сам бывал несколько раз. Нечеловеческие холода. Светофоры – и те покрываются льдом.

Позже я показал письмо жене. «Бедняга», – только и сказала она. Возможно, она хотела сказать: «Бедняги». Сейчас, разумеется, это не имеет никакого значения.

Рукопись страниц этак в двести я отправил в ящик стола, даже не взглянув на название. Не знаю, почему, но читать ее у меня и мысли не было. Письма было более чем достаточно.

Вслед за этим я уселся на стул перед керосиновой печкой – и выкурил три сигареты подряд.

Второе письмо от Крысы пришло в мае следующего года.

2. Второе письмо Крысы (штемпель: ? мая 1978 г.)

Кажется, в предыдущем письме я болтал много лишнего... Вот только о чем – хоть убей, не помню.

Я опять переехал. Нынешнее жилье – не сравнить с предыдущим. Очень тихое место. Может, даже слишком тихое для меня.

Но в каком-то смысле здесь – моя последняя пристань. С одной стороны, я чувствую, именно сюда меня и должно было занести в конечном итоге; с другой стороны – кажется, будто весь свой путь досюда я плыл «против течения». Которое из ощущений вернее – судить не берусь...

Что-то у меня со слогом неладно. Все чересчур туманно – ты, наверное, никак не поймешь, что к чему. А может, ты решил, что меня заклинило на теме Судьбы в своей жизни и прочих фатальных вопросах? Если я и вправду заставил тебя так думать – что ж, никого, кроме себя, за то не виню.

Я просто хочу, чтоб ты понял одно: чем дальше я буду пытаться объяснить свою нынешнюю ситуацию, тем больше таких вот завихрений будет в моем письме, и тут уж ничего не поделаешь. Но с головой у меня все нормально. Нормальнее, чем когда-либо.

Итак, поговорим конкретно.

Вокруг меня, как я уже говорил, – могильная тишина. Поскольку заняться здесь больше нечем, каждый день только и делаю, что читаю (книг здесь столько, что не прочесть и за 10 лет) да слушаю музыку – то радио на коротких волнах, то пластинки (пластинок тоже просто невообразимое количество). Так обстоятельно, с расстановкой я не слушал музыку уже, наверное, лет десять. Просто удивительно, что «Роллинг Стоунз» и «Бич Бойз» еще что-то сочиняют. Все-таки Время, куда ни глянь, сплетает все вещи и события в одно непрерывное полотно, тебе не кажется? Мы привыкли кромсать эту ткань, подгоняя отдельные куски под свои персональные размеры – и потому часто видим Время лишь как разрозненные лоскутки своих же иллюзий; на самом же деле связь вещей в ткани Времени действительно непрерывна.

Здесь же у меня никаких «персональных размеров» не существует. Нет людей, чтобы хвалить или ругать, сравнивая чужие размеры с собственными. Время, как прозрачайшая река, мирно течет своим природным течением. Здесь я часто ловлю себя на ощущении просто бескрайней свободы – так, словно возвращаюсь к своему первоначальному естеству... Вот, скажем, падает мой взгляд на автомобиль – а осознание того, что это автомобиль, приходит лишь через пять-шесть секунд. То есть, конечно, в каком-то уголке мозга я просто-напросто знаю, что это такое. Но ведь ЗНАНИЕ это не имеет ничего общего с моим практическим опытом!.. И такие вещи в последнее время происходят со мною все чаще. Наверное, оттого, что я слишком долго живу в одиночестве.

До ближайшего городка отсюда – полтора часа езды электричкой. Правда, ту глухомань даже «городом» назвать крайне трудно. Горстка домов, да и те сплошь развалюхи. Тебе, наверное, непросто такое представить. Но все же – город, как ни крути. Одежду, еду и бензин купить можно. А захочется на людей посмотреть – есть там и люди...

Зимой дороги покрыты льдом; вести машину почти невозможно. Местность болотистая, и земля устилается крошкой льда, как толченым шербетом. Когда же на все это сверху еще падает снег, где там была дорога, и сам черт не поймет. Наверное, вот так и должен выглядеть конец света.

Я прибыл сюда в начале марта. Просто въехал в этот странный пейзаж, бренча цепями на колесах своего джипа. Как ссыльный на сибирскую каторгу. Сейчас май, и снег уже совсем стаял. А вот чуть раньше, где-то с конца апреля, из ущелий в горах только и доносились раскаты снежных лавин. Ты когда-нибудь слышал, как грохочет лавина в горах? Как раз после того, как

отгрохочет лавина, и приходит Абсолютная Тишина. Переставешь понимать, где находишься, такая она стопроцентная. Просто ОЧЕНЬ тихо...

Зажатый горами со всех сторон, я вот уже четвертый месяц не сплю ни с какой, даже самой завалящей девчонкой. Не скажу, что мне от этого плохо; но если так будет и дальше, у меня, того и гляди, пропадет интерес к человеку вообще, а это уже совсем не то, к чему я хотел бы прийти в итоге. Вот я и подумываю, как станет чуть теплее, размять ноги – да пойти поискать себе где-нибудь девчонку. Вовсе не для того, чтобы потешить самолюбие – найти женщину для меня никогда не составляло проблемы. Если уж приспичит – а жизнь моя что-то стала прямо вся состоять из этих «если-уж-приспичит», – худо-бедно, я способен проявить сексуальность. И завести себе девчонку всегда мог запросто. Проблема в другом: я никогда не умел толком освоиться с этой способностью. То есть, дойдя до известных пределов, я перестаю понимать: где еще – я сам по себе, а где уже – просто моя сексуальность. До сих пор я – Лоуренс Оливье, а с каких пор – Огелло? На таком распутье я становлюсь совершенно невозможен в общении и причиняю кучу неудобств окружающим людям. Можно сказать, вся моя жизнь до сих пор – нескончаемые повторы именно такой ситуации.

Что хорошо (и это действительно хорошо!) – в моей нынешней жизни нет ничего, что хотелось бы отрезать и выкинуть. Ощущение великолепное. Если что-то и можно выкинуть из моей нынешней жизни, так разве только меня самого. Неплохая, однако, мысль – «моя жизнь без меня самого»!.. Хотя нет – так оно, пожалуй, звучит чересчур пафосно. Сама-то мысль без патетики, а как напишешь, так сразу выглядит пафосно.

Прямо беда...

О чем это я?

Ах да – о женщинах.

У каждой женщины обязательно имеется некий красивый шкафчик (шкатулка, ящичек), под самую крышку набитый Хламом Неизвестного Назначения. Я все это страшно люблю. Ибо в хламе том можно копаться, выуживать оттуда всякие привлекательные вещицы одну за другой, стирать с них пыль и пытаться разгадать их истинный смысл. Так вот: сексуальность – привлекательность той же природы. Я откопал ее в себе; но зачем она мне и что с нею делать дальше? Дальше можно только перестать быть самим собой...

Вот почему я теперь думаю исключительно о сексе в его, так сказать, «рафинированном виде». Когда концентрируешься на сексе в его чистом виде, то и не ломаешь себе голову, пафосен ты или нет.

Все равно что потягивать пиво, созерцая черноморский закат...

Перечитал написанное. Пусть даже какие-то части и противоречат друг другу – по-моему, вышло достаточно искренне. Удачнее всего – те отрывки, где скучно.

И еще. Как ни крути, получилось, что письмо и написано-то не тебе. Скорее всего, писалось почтовому ящику... Но ты меня за это не ругай. Даже до почтового ящика отсюда – полтора часа на джипе.

Ну а теперь, наконец – письмо к тебе.

Есть у меня к тебе две просьбы. Ни та, ни другая особой срочности не требуют; сделай, когда будет подходящее настроение. Очень меня обяжешь... Еще месяца три назад я, пожалуй, не смог бы попросить тебя ни о каком одолжении. А теперь вот – могу. И это уже прогресс.

Первая просьба несколько сентиментальна. То есть дело касается Прошлого. Пять лет назад я уезжал из города в такой страшной запарке, что забыл попрощаться с несколькими людьми. Конкретно – с тобой, с Джем, и с одной женщиной, которую ты не знаешь. Но если с тобой, сдается мне, я еще попрощаюсь, как полагается – то с ними, боюсь, такого случая уже не представится. Вот я и хочу попросить тебя: будешь в городе – попрощайся за меня.

Я понимаю, что это звучит дерзковато. На самом деле я, конечно, должен сам сесть и написать всем этим людям письма. Но если честно – я просто хочу, чтобы ты вернулся в город

и встретился с ними. Мне кажется, такая встреча передала бы им мои чувства яснее, чем любое письмо. Адрес и номер телефона моей знакомой прилагаю. Если вдруг окажется, что она переехала, либо замуж вышла – тогда ладно. Не встречайся, езжай домой. Но если живет по тому же адресу – повидайся с нею, будь добр, и передай от меня привет.

Ну, и Джею – привет огромный. Распейте там на двоих мое пиво.

Это первое.

Вторая просьба будет немного странной.

Прилагаю к письму фотографию. Фотографию овец. Помести ее где угодно – лишь бы на нее почаще смотрели люди. Прекрасно осознаю все нахальство своей просьбы – но, поверь, кроме тебя мне больше совершенно некого попросить. Готов уступить тебе всю свою сексуальность – только сделай это, пожалуйста. Зачем – рассказать не могу.

Но фотография очень важна для меня. Когда-нибудь – очень нескоро – может, и расскажу.

Прилагаю также и чек. На все необходимые расходы. О деньгах можешь не беспокоиться. Здесь мне приходится ломать голову, на что их потратить; и к тому же это – единственное, чем я могу тебе посодействовать.

Да, лишний раз: пиво-то за меня распить не забудьте...

Квитанция о переадресовке оказалась наклеена прямо на штемпель; чтобы вскрыть конверт, мне пришлось отодрать ее, и дату отправки разобрать было уже невозможно. Кроме письма, в конверте я обнаружил банковский чек на сто тысяч иен¹⁰, листок бумаги с женским именем, адресом и номером телефона, а также черно-белую фотографию с овцами.

Письмо я обнаружил в почтовом ящике, когда выходил из дому, и прочел за столом в конторе. Бумага, как и в прошлый раз, оказалась бледно-зеленой – но на чеке значились реквизиты «Банка Саппоро». Получалось, что Крыса уже вроде как на Хоккайдо...

Я также плохо понял, что он имел в виду насчет горных лавин; но в целом, как и писал сам Крыса, письмо было необычайно серьезным и искренним. Да и, что говорить, никто не станет шулки ради посылать вам чек на сто тысяч... Я выдвинул ящик стола и побросал туда все, что нашел в конверте.

Эта весна – отчасти из-за того, что наши отношения с женой трещали уже по всем швам, – выходила у меня безрадостно-серой. Вот уже четвертые сутки жена не возвращалась домой. Молоко в холодильнике прокисло и источало тошнотворную вонь; кошка шаталась по комнате с голодным брюхом. Зубная щетка жены в ванной ссохлась и затвердела, как доисторическая окаменелость. И вот теперь по этому дому медленно растекался тускло-призрачный свет Весны. Солнечный свет. Как всегда, задаром.

¹⁰ В конце 1970-х гг. – около 500 долларов США.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.